

М.В. Шкаровский

АРХИЕРЕЙСКИЙ СИНОД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ И РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (в 1945–1950-х гг.)

Статья посвящена деятельности руководящих органов Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) и истории русских церковных общин в Югославии в первые послевоенные годы. После эвакуации осенью 1944 г. из Югославии Архиерейский Синод к концу войны оказался на территории Западной Германии, где оставался до своего переезда в США в 1950 г. При этом были отклонены предложения Московского Патриархата о переходе в его юрисдикцию. Оставшиеся же в Югославии общины РПЦЗ все вошли в состав особого благочиния Московского Патриархата. В условиях прихода к власти в этой стране коммунистов, Архиерейский Синод РПЦЗ потерял возможность действовать в Югославии. После начала в 1948 г. конфликта Сталин-Тито русские общины стали претерпевать репрессии и различные стеснения в своей деятельности. В результате их количество резко сократилось и к середине 1950-х гг. остался лишь один приход в Белграде, существующий до настоящего времени.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь за границей, Московский Патриархат, церковная эмиграция, Югославия, Германия

После эвакуации осенью 1944 г. из Югославии Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) к концу войны оказался на территории Западной Германии — в Баварии, вошедшей в американскую зону оккупации. Последнее «военное» заседание Архиерейского Синода, численность которого сократилась до такой степени, что возникла угроза существования этого органа, состоялось 9 апреля 1945 г., а следующее — уже в Баварии только 14 июля 1945 г.¹

Через три с небольшим месяца после окончания войны, в период проживания в баварском городке Фюссене, Первоиерарх РПЦЗ митрополит

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, преподаватель Санкт-Петербургской Духовной Академии, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

1. Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (СА). Д. 53/44. Личное дело епископа Григория (Граббе); Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

Анастасий (Грибановский) получил послание от Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского), адресованное «Преосвященным представителям так называемой Карловацкой ориентации», с призывом к примирению. Вопрос об отношении к Русской Православной Церкви за границей был довольно тенденциозно обсужден на заседании Синода Московского Патриархата (здесь сказалось давление советских властей).

В протоколе этого обсуждения от 5 июля 1945 г., в частности, говорилось: «Часть русской церковной иерархии, эмигрировавшая в 1920 г. из России во главе с Митрополитом Антонием, находясь за рубежом, отклонилась от Матери Русской Церкви и в Сремских Карловцах организовала самостоятельное Высшее Церковное Управление. После ряда увещаний Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей в 1930 г. наложил запрещение на эту церковную группу, возглавленную после смерти Митрополита Антония — Митрополитом Анастасией. В дни последней войны с гитлеровской Германией большинство иерархов и духовенства этой карловацкой ориентации открыто выступило на стороне Гитлера и совершало публичные молитвы о его победе. В ближайшее время Московская Патриархия обратится к карловчанам с последним призывом к возвращению их в лоно Матери-Церкви и над теми, кто останется и на этот раз глухим к ее призыву, объявит церковный суд за учиненный раскол и за измену общехристианскому делу борьбы с фашизмом»².

Вскоре после этого заседания — 10 августа патриарх Алексий обратился с упомянутым посланием, в котором призывал к воссоединению с Матерью-Церковью. На его призыв откликнулись Российская Духовная Миссия в Китае, русские приходы в Маньчжурии, Югославии и Болгарии, а также некоторые приходы в Германии и Австрии, главным образом в советской оккупационной зоне. В 1948 г. в юрисдикцию Московского Патриархата частично перешла и Российская Духовная Миссия в Иерусалиме. Однако большая часть «карловацкого» епископата и духовенства не возобновила общения с Патриархией.

В октябре 1945 г. первоиерарх РПЦЗ ответил патриарху Алексию посланием, в котором содержался категорический отказ: «Поскольку нынешний глава Русской Церкви подражает примеру и заветам своего предшественника в своих отношениях к советской власти и даже идет дальше его в приспособлении к духу века сего, мы не находим возможным для себя войти с ним в каноническое общение и подчиниться его власти... Если многие зарубежные епископы и с ними большое число духовенства

---

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34а. Л. 15.

и верных мирян остаются вне канонической связи с нынешней церковной властью в России, то их побуждает к этому не «гордость» – мать всех ересей и расколов, а голос их церковного сознания и православной совести, которая повелевает повиноваться более Богу, чем людям... Чтобы побудить русских изгнанников отказаться от занятого ими непримиримого положения к советам и созданному ими почти невыносимому строю жизни на Руси, им стараются внушить убеждение, что времена переменились, что гонения на веру давно прекратились в России, что власть оказывает ныне открытую поддержку и покровительство Церкви и старается поощрять везде лучшие национальные стремления Русского Народа. Нас радовал бы каждый просвет в жизни наших страждущих братьев в России, если бы могли быть уверены, что он существует на самом деле. К сожалению, достоверные известия, привезенные прибывшими оттуда во время войны, вполне авторитетными духовными лицами и другими преданными Церкви людьми и особенно тот факт, что некоторые из поверивших добрым обещаниям и настойчивым призывам советов и поспешивших возвратиться после войны на Родину, снова поспешили бежать из нее за границу, — не дают нам возможности успокоиться на этой мысли. Не подлежит сомнению, что, уступая требованию иностранного общественного мнения и идя навстречу пробудившемуся русскому национальному самосознанию, подъем которого был так существенно нужен для успешного окончания войны, советская власть решила изменить свое прежнее ярко отрицательное и недоброжелательное отношение к Церкви, дав ей и всем верующим некоторую свободу в выражении своей веры вовне. Но льготы, предоставленные им, были слишком незначительны, чтобы искупить все зло, причиненное советами Церкви в прежние годы. К тому же они, как и все, что делается вынужденно и неискренне, кажутся непрочными... Но особенно печально то, что Церковь за полученную ею ограниченную долю свободы должна была заплатить дорогой ценой потери своей внутренней независимости... Не перестаем благодарить Бога за то, что Он судил нам оставаться свободной частью Русской Церкви. Наш долг хранить эту свободу до тех пор, пока не возвратим Матери Церкви врученный ею нам драгоценный залог. Вполне правомочным судьей между Зарубежными епископами и нынешним главою Русской Церкви мог быть только свободно и законно созданный и вполне независимый в своих решениях Всероссийский церковный Собор с участием по возможности всех заграничных и особенно заточенных ныне

в России епископов, пред которым мы готовы дать отчет в каждый момент во всех своих деяниях за время нашего пребывания за рубежом...»³.

14 июля 1945 г. в Мюнхене состоялось первое после окончания войны заседание Архиерейского Синода, на котором было решено провести 29 июля хиротонию настоятеля мюнхенского русского прихода архимандрита Александра (Ловчег) во епископа Киссингенского, а 12 августа — хиротонию настоятеля эвакуированного из Словакии монашеского братства преп. Иова Почаевского архимандрита Серафима (Иванова) во епископа Линцкого (она не состоялась). Кроме того, Синод решил создать Австрийскую епархию и назначил на Австрийскую и Венскую кафедру епископа Василия (Павловского), который, правда, вскоре скончался⁴. 29 июля, как и планировалось, состоялась первая послевоенная архиерейская хиротония — владыка Анастасий, совместно с митрополитом Серафимом (Ляде), рукоположил в Мюнхене во епископа Киссингенского викария Германской епархии архимандрита Александра.

После этого начались регулярные заседания Синода. 7 сентября он учредил в Южной Америке кафедру епископа Парагвайского, на которую назначил эвакуированного в Германию епископа Житомирского Леонтия (Филипповича), 8 сентября постановил открыть Синодальные иконописную и церковно-ювелирную мастерские и принять в юрисдикцию РПЦЗ священника Александра Склярова, рукоположенного в 1942 г. ушедшим в раскол в 1925 г. митрополитом Харьковским Феофилом (Булдовским) только после нового рукоположения⁵.

25 сентября 1945 г. митрополит Анастасий с чудотворной Курской Коренной иконой Божией Матери «Знамение» переехал из Мюнхена в Женеву, откуда сразу телеграфировал всем архиереям РПЦЗ о своем прибытии в Швейцарию и существовании Архиерейского Синода (в это время распускался слух, что митрополит пропал неизвестно где, и Синод больше не функционирует), указав, что Зарубежная Русская Церковь должна оставаться независимой от Москвы, и, попросив «не поддаваться агитации большевистских агентов». Курская Коренная икона была передана митрополитом на временное хранение монашескому братству преп. Иова Почаев-

---

3. *Нафанаил (Львов), архиеп.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 13–14; Православная жизнь. 1976. № 6.

4. С.А. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

5. С.А. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

ского, которое сняло на окраине Женевы двухэтажное здание, где устроило домовую церковь и некое подобие обители⁶.

Активная переписка первоиерарха из Женевы, откуда было легко поддерживать сообщение с большинством стран мира, способствовала консолидации РПЦЗ. В Швейцарии владыка Анастасий пробыл около шести месяцев и за это время совершил, совместно с прибывшим из Америки епископом Иеронимом, две архиерейские хиротонии — архимандрита Серафима (Иванова) во епископа Сантьягского и архимандрита Нафанаила (Львова) во епископа Брюссельского и Западно-Европейского. Следует упомянуть также, что управляющий делами Архиерейского Синода Георгий Граббе был рукоположен митрополитом Серафимом (Ляде) 24 июня 1946 г. в г. Кухле во диакона и на следующий день во иерея⁷.

В период пребывания митрополита Анастасия в Женеве продолжали проходить заседания Архиерейского Синода. Так, 29 октября 1945 г. по представлению митрополита всея Америки и Канады Феофила (Пашковского), он возвел епископов Чикагского и Миннеапольского Иоанна, Западно-Канадского и Калгарского Иоасафа, Алеуского и Аляскинского Алексия в сан архиепископа. 26 ноября Синод утвердил назначение первоиерархом (14 ноября) иеромонаха Василия (Кондратовича) помощником начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с возведением в сан архимандрита. На этом заседании митрополит Серафим (Ляде) впервые выступал в качестве заместителя председателя Синода⁸.

26 ноября Архиерейский Синод наградил наперсным крестом с украшениями настоятеля лондонского прихода протоиерея Михаила Польского за сохранение верности РПЦЗ после перехода в Московский Патриархат митрополита Западно-Европейского Серафима (Лукьянова), освободил по состоянию здоровья игуменью Тавифу от настоятельства в Горненском монастыре в Палестине и назначил настоятельницей этой обители сестру Вифанской Воскресенской общины Галину (Ампену) с возведением в сан игумении⁹. Как раз в это время шла борьба за сохранение в юрисдикции РПЦЗ Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, часть которой все же перешла в Московский Патриархат.

---

6. Григорий (Граббе), еп. Завет Святого Патриарха. М., 1996. С. 56; Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. Джорданвилль, 1995. С. 20–21.

7. СА. Личное дело епископа Григория (Граббе).

8. Там же. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

9. Там же.

27 декабря Синод назначил на вдовствующую Австрийскую и Венскую кафедру епископа Димитрия (Магана), 29 декабря 1945 г. по ходатайству митрополита Феофила (Пашковского) наградил архиепископов Восточно-Американского и Джерсейситского Виталия и Западно-Американского и Сиэтлского Тихона бриллиантовым крестом для ношения на клобуке, а 23 февраля 1946 г. по ходатайству владыки Феофила утвердил решение Собора Северо-Американских епископов об избрании архимандрита Иоанна (Злобина) на кафедру епископа Аляскинского¹⁰. Правда, в том же году Северо-Американская митрополия отделилась от РПЦЗ.

23 февраля Синод также возвел настоятеля русской общины в Бейруте игумена Гермогена в сан архимандрита с возложением на него митры и постановил назначить администратора церковью Германской епархии в английской зоне оккупации архимандрита Нафанаила (Львова) епископом Брюссельским и Западно-Европейским, так как в Западно-Европейской епархии не осталось ни одного архиерея, представлявшего РПЦЗ, а в Великобритании и Франции существовала сложная ситуация из-за перехода многих общин в Московский Патриархат. Эта хиротония, как уже говорилось, состоялась в Женеве — 10 марта 1946 г. 20 марта Синод также решил временно сохранить за епископом Нафанаилом администрацию приходов в английской зоне оккупации Германии¹¹.

Между тем в Москве имели неверное представление о ситуации в Русской Православной Церкви за границей и позиции ее первоиерарха. Так на совещании в Совете по делам Русской православной церкви 6 июня 1946 г. его председатель Г.Г. Карпов предложил Московской Патриархии обсудить поездку в Женеву к митрополиту Анастасию: «Для этой поездки кандидатом намечен митрополит Серафим (Лукиянов). По последним сведениям, Анастасий, видя, что все его покидают, готов распустить свой Синод и принести покаяние, если ему будут даны гарантии полного прощения со стороны Московской Патриархии и со стороны советской власти. Такую гарантию следует дать»¹². Однако эта информация никакими другими документами не подтверждается.

Еще в апреле 1946 г., к Пасхе, митрополит Анастасий переехал в Мюнхен и объединил вокруг себя значительную часть русской послевоенной эмиграции в Германии и Австрии. В рамках работы Учебно-педагогиче-

---

10. Там же.

11. Там же.

12. Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. М., 2008. С. 389.

ческого комитета владыка собирал профессоров и других представителей интеллигенции на совещания, где читались и обсуждались доклады на разнообразные темы¹³. С осени 1945 г. в Мюнхене проживал и архимандрит Аверкий (Таушев). В течение шести лет (до переезда в США) он состоял законоучителем старших классов гимназии «Милосердный Самарянин» и так называемой гимназии бесподанных в лагере перемещенных лиц (иначе Ди-Пи, от английского слова *displaced persons*), а также на курсах сестер милосердия в доме «Милосердный Самарянин». Архимандрит также неоднократно выступал с докладами на духовные темы в кружках молодежи и лагерях Ди-Пи¹⁴.

Следует отметить, что клирики РПЦЗ в первые послевоенные годы проделали огромную работу по спасению от выдачи в СССР, защите и окормлению десятков тысяч беженцев и бывших советских военнопленных. В большинстве лагерей перемещенных лиц были устроены церкви, главным образом домовые и барачные, имелся свой штат духовенства. В результате вторая (послевоенная) волна русской эмиграции пополнила в основном паству Русской Православной Церкви за границей. Кроме того, удалось сохранить в юрисдикции РПЦЗ значительную часть ее приходов в странах Западной Европы и Америке.

Крупнейшим центром русской церковной и общественной жизни в первые послевоенные годы был Мюнхен. В самом городе с его ближайшими окрестностями возникло 14 православных приходов, велась интенсивная церковная деятельность, во многих местах с ежедневными богослужениями.

Кроме того, в Мюнхене со временем возник мужской православный монастырь. Его основу составили члены братии обители преп. Иова Почаевского, которые в 1944 г., в связи с приближением советских войск эвакуировались в Германию и к концу войны оказались в ее западной зоне. 18 мая 1945 г. 10 членов братии во главе с архимандритом Серафимом переехали из Германии (Зондернаха) в Швейцарию, где устроили подворье с домовым храмом в Женеве. В Зондернахе (Вюртенберг), где имелось маленькое временное подворье с домовым храмом, сначала остались семь человек: вступивший в состав братии во главе с игуменом Никоном (Рклицким). 20 июня в Зондернах прибыли служившие ранее во власовских частях иеромонах Антоний (Медведев), иеродиакон Серафим и послушник Петр Чернобыль, но о. Антоний вскоре уехал в Швейцарию. 17 июля немецкая часть братии переехала из Зондернаха в г. Ульм, однако, там найти под-

---

13. Григорий (Граббе), еп. Завет Святого Патриарха... С. 56.

14. СА. Личное дело архиепископа Аверкия (Таушева).

ходящего здания для устройства обители не удалось, и 19 августа 1945 г. в Женеву уехали игумен Никон и два послушника. Возглавление оставшейся в Германии части братства была поручено прибывшему в Ульм игумену Иову (Леонтьеву)¹⁵.

20 августа 1945 г. в Швейцарии возобновились не проводившиеся с 27 декабря 1944 г. заседания Духовного Собора братства преп. Иова, воссозданного в составе архимандрита Серафима, игумена Филимона, иеромонахов Антония и Киприана. Заслушав доклад прибывшего в Женеву игумена Никона, Собор постановил при намеченном переезде в США создать подворье в Германии, которое должны составить проживавшие в этой стране члены братства. В качестве места пребывания подворье был намечен Гамбург, так как там уже имелась небольшая организованная группа насельников во главе с архимандритом Нафанаилом (Львовым) и иеромонахом Виталием (Устиновым). Настоятелем подворья назначили игумена Иова¹⁶. Таким образом, в этот день фактически было принято решение о создании на основе братства преп. Иова двух монастырей – в США и Германии¹⁷.

На втором заседании воссозданного Духовного Собора 22 августа 1945 г. был составлен список из 14 человек, в первую очередь переезжающих в США. Послушник Петр Чернобыль (будущий известный архимандрит Нектарий) должен был остаться при игумене Иове и со всей баварской группой присоединиться к группе в Гамбурге (позднее брат Петр все-таки переехал в США)¹⁸.

Однако гамбургский план реализовать не удалось. В конце 1945 г. фактически была создана новая обитель в Мюнхене — образована монашеская община, в которую вошли иеромонах Никодим (Нагаев, впоследствии архиепископ Ричмондский), назначенный духовником мюнхенской обители, и четверо послушников. Вскоре по решению Духовного Собора ладомирской братии и при согласовании с Архиерейским Синодом к ним в Мюнхен был направлен в качестве главы общины игумен Иов (Леонтьев), не получивший разрешение на переезд в США из-за болезни. Начиная с 29 декабря 1945 г. община размещалась в подвальном помещении здания Архиерейско-

15. Архив Германской епархии Русской Православной Церкви за границей (АГЕ). Д. Летопись братства преп. Иова Почаевского в Германии 5/18 мая – 3/16 августа 1945.

16. Там же. Д. Книга постановлений Духовного Собора монастыря преп. Иова 1934–1948 гг.

17. Там же. Д. Летопись братства преп. Иова Почаевского в Германии 5/18 мая – 3/16 августа 1945.

18. Там же. Д. Книга постановлений Духовного Собора монастыря преп. Иова 1934–1948 гг.

го Синода РПЦЗ в мюнхенском районе Богенхаузен, где проживал и митрополит Анастасий (Грибановский). В марте 1946 г. ее удалось разместить в пригороде Мюнхена, ныне городском районе Пазинг-Оберменцинг, где члены братства с помощью американской военной администрации заняли построенное в 1939 г. и пустовавшее здание католической молодежной организации (в годы войны гитлерюгенда)¹⁹.

В этом здании была устроена церковь во имя преп. Иова Почаевского. На праздник святых апостолов Петра и Павла в ней служили первую литургию, а на престольный праздник 28 августа / 10 сентября 1946 г. митрополит Анастасий (Грибановский) совершил в храме архиерейское богослужение. Тогда же владыка освятил иконостас в древнерусском стиле работы иеромонаха Киприана (Пыжова), который писал иконы в Женеве и затем пересылал их в Мюнхен. Стены церкви расписали насельники обители²⁰. Формально мюнхенская обитель первоначально имела статус подворья монашеского братства преп. Иова и таким образом стала его преемником.

4 марта 1946 г. Архиерейский Синод постановил: 1. Разрешить основному составу братства преп. Иова во главе с настоятелем архимандритом Серафимом отбыть в Америку, чтобы присоединиться к Свято-Троицкому монастырю и с ним вместе вести работу среди местного населения; 2. Образовать в Европе два подворья братства — временное в Женеве и постоянное в Мюнхене, для того чтобы эта часть братства послужила ядром для образования обителей в Европе; оба подворья сохранить в непосредственном подчинении Синода на правах ставропигии; настоятелем подворья в Германии назначить игумена Иова (Леонтьева) с возведением в сан архимандрита (на посту настоятеля о. Иов оставался до своей кончины 29 октября 1959 г.)²¹.

Помимо мюнхенского и женевого (которое просуществовало не долго — до отъезда насельников в конце 1946 г. в США) в Европе были предприняты попытки создать еще два подворья братства преп. Иова: во Франции — в Ницце, под руководством иеромонаха Феодосия (Трушкевича), и в Германии — в Гамбурге, под началом архимандрита Виталия (Устинова). Оба монашеских раньше входили в ладомирскую братию. В 1947 г. в «Православной Руси» было опубликовано обращение епископа Серафима (Иванова) с призывом поступать в европейские

---

19. Русская Православная Церковь Заграницей 1918–1968 / Ред. А.А. Соллогуб. Т. 2. Иерусалим, 1968. С. 936.

20. Пантелеимон (Рогов), иером. Обитель в Оберменцинге // Православная Русь. 1947. № 15. С. 4–9, № 16. С. 5–8; Seide G. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Diözese. München, 2001. S. 144.

21. СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

подворья (а также в братию Свято-Троицкого монастыря в США)²². Однако организация подворья в Ницце не удалась. Гамбургское подворье с отдельным корпусом и домовым храмом, напротив, первоначально было довольно активным, при нем в 1945–1948 гг. действовала типография имени преп. Иова, переведенная позднее в лагерь русских беженцев Фишбек. Однако затем братия из Гамбурга уехала в Америку вслед за отцом Виталием, который устраивал монашеско-типографские братства сначала в Сан-Пауло, а затем в Монреале.

Еще один ладомиронец — епископ Нафанаил (Львов) в 1950 г. предпринял попытки основать два монастыря во Франции: один на юге страны — в По, ответственным за его создание был иеромонах Пантелеимон (Рогов), а второй недалеко от Парижа — в Озуар-ля-Феррьер, под началом игумена Никодима (Нагаева). Оба они принадлежали к братии мюнхенского монастыря преп. Иова, а о. Пантелеимон, еще будучи мирянином, приезжал в Ладомирову. Однако и эти усилия успеха не имели, единственным приемником ладомирновской обители в Европе остался монастырь в Мюнхене.

20 августа 1946 г. состоялось первое совещание старшей братии мюнхенской обители преп. Иова, на котором присутствовали архимандрит Иов, иеромонах Никодим и послушник Пантелеимон. На нем было решено добиться у американской администрации разрешения на открытие монастырской типографии, а также принята к сведению информация о предстоящем проживании в обители заместителя начальника переселенческого комитета Западно-Европейского епископа Нафанаила (Львова)²³. 12 сентября 1946 г. владыка Нафанаил поселился в обители и с тех пор прожил в ней с перерывами несколько десятилетий, вплоть до своей кончины в Мюнхене 26 октября 1986 г. В 1966–1980 гг. он был настоятелем монастыря, сменив возглавлявшего обитель в 1959–1966 гг. архимандрита Корнилия (Малюшицкого).

Уже вскоре после создания мюнхенской обители преп. Иова — к концу 1947 г. число ее насельников с первоначальных пяти выросло до 32, а в следующем году даже до 46 человек (более половины составляли миряне), братия жила по ладомирновскому уставу. Большая часть насельников мюнхенской обители, как и другие русские эмигранты, в конце 1940-х гг. выехала из Германии в США, и к 1950 г. их число стабилизировалось между

22. См.: Православная Русь. 1947. № 13. С. 13–14, № 14. С. 14–15, № 16. С. 14, № 17. С. 11–12, № 19. С. 15.

23. АГЕ. Д. Протоколы совещания старшей братии монастыря преп. Иова 20 августа 1946 – 27 июля 1948 гг.

8 и 10. В дальнейшем этот монастырь играл очень важную роль в истории Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. В 1947 г. в обители возобновилось типографское дело. В 1947–1951 гг. здесь печатали синодальный журнал «Церковная жизнь», в 1952–1971 гг. — епархиальный орган «Церковные ведомости», а с 1981 г. — журнал «Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей», кроме того, выпускались «Жития святых», молитвословы, церковные календари, православные книги на немецком языке. Только за первые 30 лет – к 1977 г. было издано около 200 книг и брошюр.

Сохранилась и миссионерская направленность работы. С первых лет существования мюнхенского братства, выпускаемая им религиозная литература безвозмездно посылалась в Россию. Следуя ладомирской традиции, в обители некоторое время проводили занятия двухгодичных пастырских курсов (в 1950-е гг. под руководством протопресвитера Василия Виноградова), молодежные семинары и устраивали ежегодные съезды православных немцев. Кроме того, насельники монастыря производили свечи, принимали паломников и занимались благотворительной деятельностью: устраивали бесплатные обеды для беженцев, выдавали одежду малоимущим и т.д.²⁴

Со времени своего основания в 1946 г. монастырь несколько десятилетий имел статус ставропигиального и находился в прямом подчинении Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, а в 1981 г. вошел в состав Германской епархии; в его стенах находится резиденция митрополита Берлинского и Германского. Именно мюнхенский монастырь преп. Иова в наибольшей степени может считаться продолжателем ладомирской обители, так как сохранил не только ее название и традиции, но и монастырский архив 1930-х – 1945 гг.

Несколько другую историю имел Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк). Участок земли для него был куплен в середине 1930-х гг., но братия этой обители оставалась очень мала, и лишь приезд в Джорданвилль 14 монахов Иово-Почаевского братства позволил создать полноценную обитель. В Женеве ладомирская братия пребывала полтора года, так как долго не могли выехать в Америку даже после получения

---

24. *Нафанаил (Львов), архиеп.* Отец архимандрит Корнилий. К пятилетию со дня кончины. Краткое жизнеописание. Мюнхен, 1971; *Его же.* Кончина Священноархимандрита Иова, настоятеля обители преп. Иова в Мюнхене // Вестник Православного дела. 1959. № 2; Seide G. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Diözese. München, 2001. S. 147–148.

виз — транспорт был переполнен военными. Наконец, в конце 1946 г. эта группа насельников во главе с епископом Серафимом (Ивановым) эмигрировала в США и 15 декабря прибыла в Джорданвилль, где соединившись с братией местной обители, образовало духовный центр РПЦЗ.

Настоятелем Свято-Троицкого монастыря, создателем в Джорданвилле типографии, издательства и духовной семинарии стал основатель ладомирского братства преп. Иова Почаевского архиепископ Виталий (Максименко). На новом месте в 1947 г. было возобновлено издание ладомирской газеты «Православная Русь», а затем и журнала «Православный путь». С братством в Свято-Троицкий монастырь прибыла чтимая икона преподобного Иова Почаевского с частицей мощей святого и другие святыни обители. Таким образом, Джорданвилль также стал непосредственным приемником Ладомирской²⁵. 14 октября 1948 г. при местном монастыре состоялось открытие Свято-Троицкой Духовной семинарии, первым ректором которой был архиепископ Виталий (Максименко).

В послевоенный период издательская ладомирско-почаевская традиция продолжалась сразу в нескольких центрах: в крупнейшей типографии РПЦЗ в джорданвилльском Свято-Троицком монастыре, второй по величине монастырской книгопечатне в Мюнхене и небольших церковных типографиях в Гамбурге, Лондоне, Бразилии и Канаде. Новые издательства обязательно помещали в своих изданиях логотип «Книгопечатни преп. Иова Почаевского». Иногда типографии в Мюнхене и в Монреале дополнительно помещали и второй — новый логотип, изображавший храмы Ростова Великого. Со временем издательство в Джорданвилле ввело в употребление новый логотип с изображением главного храма Свято-Троицкой обители.

Кроме того, ладомирская братия стала «кузницей кадров» архиереев для русской церковной эмиграции. В состав братии в разное время входили семь будущих архиепископов: Виталий (Максименко), Серафим (Иванов), Нафанаил (Львов), Антоний (Медведев), Алексей (Дехтерев), Алипий (Гаманович), Никон (Рклицкий) и два первоиерарха Русской Православной Церкви за границей: митрополит Виталий (Устинов) и митрополит Лавр (Шкурла), при котором 17 мая 2007 г. произошло восстановление канонического общения Русской Православной Церкви за границей и Московского Патриархата.

---

25. См.: *Тальберг Н.Д.* Полвека служения заветам преп. Иова // *Православная Русь*. № 2. 1953; Сборник материалов по истории Свято-Троицкой Семинарии: К 55-летию Свято-Троицкой семинарии: 1948–2003 гг. Джорданвилль, 2003.

Помимо монастыря преп. Иова другим важнейшим русским церковным центром послевоенного Мюнхена стал поселке Людвигсфельд (ныне входящий в состав города). Летом 1945 г., здесь был создан лагерь для «перемещенных лиц», а позже в выстроенных домах барачного типа разместили тысячи беженцев, не желавших возвращаться в СССР. Для большинства этих изгнанников было характерно политическое неприятие советской реальности. С начала 1950-х гг. эмигрантов Людвигсфельда объединял Свято-Михайловский приход РПЦЗ, основанный в мае 1945 г. в лагере для перемещенных лиц из СССР в г. Кемптене. Осенью 1945 г. лагерь в Кемптене был закрыт и его обитателей, так же как и храм, перевели в г. Фюссен, где находился транзитный лагерь для беженцев. В конце 1940-х гг. этот лагерь перевели в мюнхенский пригород Шляйсхайм, где он функционировал до января 1953 г. Здесь же была построена деревянная церковь св. Архангела Михаила. В январе 1953 г. деревянные церковь и колокольню перенесли в Людвигсфельд, который уже почти 10 лет называли «русским поселком» или «русской деревней». В 1963–1965 гг. там построили каменный храм св. Архангела Михаила, который много лет (до 1990-х гг.) служил кафедральным собором Германской епархии РПЦЗ²⁶.

6 мая 1946 г. в Мюнхене был создан первый после окончания войны Архиерейский Собор РПЦЗ, объединивший 26 архиереев, из которых 16 присутствовали лично. Такое значительное увеличение количества иерархов РПЦЗ было связано с тем, что в соответствии с обращением пяти проживавших в Германии архиереев автономной Украинской Православной Церкви от 6 сентября 1945 г. Архиерейский Синод в тот же день постановил принять их в юрисдикцию Русской Православной Церкви за границей, а архиепископа Пантелеимона (Рудыка) ввести в свой состав²⁷. 14 января 1946 г. с аналогичным прошением обратились семь архиереев автономной Белорусской Церкви, и 23 февраля Синод принял их в юрисдикцию РПЦЗ, а епископа Стефана (Севбо) в качестве их представителя включил в свой состав²⁸.

В майском Соборе приняли участие все 12 упомянутых архиереев: из Белорусской Церкви — митрополит Пантелеимон (Рожновский), архиепископ Венедикт (Бобковский), архиепископ Филофей (Нарко), епископ Афанасий (Мартос), епископ Стефан (Севбо), епископ Павел (Мелентьев), епископ Григорий (Боришкевич) и из Украинской Церкви — архиепископ

---

26. Холодюк А.Г. Бавария от святыни к святыне. Мюнхен, 2013. С. 163–165.

27. СА. Д. 42/44.

28. СА. Д. 45/44.

Пантелеимон (Рудык), епископ Леонтий (Филиппович), епископ Феодор (Рафальский), епископ Евлогий (Марковский) и епископ Димитрий (Маган).

9 мая участники Собора, видимо под влиянием митрополита Анастасия, заняли достаточно осторожную позицию в отношении Московской Патриархии, но на призывы патриарха Алексия I вернуться в лоно Матери-Церкви дали негативный ответ: «Высшее церковное управление в России в лице нынешнего Главы Русской Церкви Патриарха Алексия уже неоднократно обращалось к зарубежным епископам с увещанием войти в каноническое подчинение Патриархии, но, повинаясь велениям своей пастырской совести, мы не находим для себя нравственно возможным пойти навстречу этим призывам до тех пор, пока высшая церковная власть в России находится в противоестественном союзе с безбожной властью, и пока вся Русская Церковь лишена присущей ей по ее Божественной природе истинной свободы. Мы не хотим закрывать глаза пред тем фактом, что советская власть со времени войны должна была возвратить Церкви некоторые из отнятых у нее законных прав. Однако, свобода, данная Русской Церкви, носит очень ограниченный, и притом более внешний и кажущийся чем подлинный и существенный характер...

Прежде всего, власть обязана раскрыть двери темниц и концентрационных лагерей, чтобы освободить томящихся там доньне архиереями и пастырями, явивших себя истинными исповедниками Православия и предоставить духовенству полную свободу устной и письменной проповеди слова Божия и религиозного воспитания молодых поколений... Склоняясь с благоговением пред образом наших великих страстотерпцев, пострадавших за веру и Божию правду, мы усердно молимся об упокоении их, как и о других многочисленных русских людях, особенно о тысячах военнопленных, принявших мученическую кончину от жестокой руки так называемых немецких нацистов. Уповаем, что жертва тех и других была не напрасна, что на их мученических костях воздвигнется новая свободная Русь, сильная своей православной правдой и братской любовью, которой она искони светила миру. И тогда все рассеянные сыны ее, без всякого насилия, но свободно и радостно устремятся отовсюду в материнские объятия ее. В сознании своей неразрывной духовной связи с нашей Родиной, усердно просим Господа, чтобы Он возможно скорее залечил раны, нанесенные нашему Отечеству, столь тяжелой для него, хотя и победоносной войной и благословил его миром и полным благоволением...»²⁹

---

29. Польский М., протопресв. Каноническое положение высшей церковной власти и СССР и за границей. Джорданвилль, 1948. С. 120.

Архиерейский Собор 1946 г. также постановил отметить приближающийся юбилей митрополита Анастасия — пятидесятилетие священнослужения, сорокалетие епископского служения и десятилетие возглавления им Зарубежной Русской Церкви — принятием им титула «Блаженнейшего», правом ношения двух панагий и преднесением креста. Правда, владыка Анастасий категорически отверг все это, как и проекты празднования его юбилея, заявив, что «теперь не время праздновать». Кроме того, участники Собора потребовали от епископа Рославльского Павла (Мелетьева) письменное заявление о том, что он не принимал католичества; на словах епископ Павел отрицал свой переход, но письменное заявление об этом дать отказался, в виду чего не был допущен к участию в заседаниях. В том же году он официально перешел в католичество и 1 июля Синодом был запрещен в священнослужении с указанием, что в случае неподчинения будет лишен священного сана, монашеского звания и отлучен от Православной Церкви³⁰. Уже на этом Соборе некоторые иерархи были назначены на епископские кафедры в Северной и Южной Америке.

В новый состав Архиерейского Синода не был включен митрополит Берлинский и Германский Серафим (Ляде), что вызвало у него чувство горечи и обиды. Так 25 марта 1946 г. он писал в одном из частных писем: «... Теперь я вышел из состава Архиерейского Синода. Ясно, конечно, почему Митрополит Анастасий занял такую позицию. Он хочет теперь зарекомендовать себя как противника Германии. Я ведь немец. Но я заявил графу Граббе: “Пусть подумают, что моя защита может стать опасной для кого-то”. Ведь не я просил о месячном пособии в размере 600 марок от прежнего Германского Правительства, а Архиерейский Синод через покойного генерала Бискупского. Не я получил незадолго до катастрофы 3 тысячи марок от национал-социалистического правительства, а Архиерейский Синод. Не я состоял в числе тех, которые выполняли определенные задания прежней Германской власти, а кое-кто из братии Владимирской обители. А теперь эти господа выступают в роли моих противников, потому что я немец... Многое я мог бы сказать на эту тему, но время неподходящее и наша церковная жизнь не вынесла бы новых потрясений»³¹. В этой связи следует отметить, что упреки владыки были не вполне справедливы, Архиерейский Синод получал лишь небольшие суммы на переезды и содержание от Ми-

---

30. См.: СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946; Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей 1946 г.

31. См.: Якунин В.Н. Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Самара, 2001.

нистерства церковных дел Германии, где традиционную политику покровительства РПЦЗ с 1930-х гг. проводили в основном бывшие чиновники Веймарской республики.

В 1947 г. митрополит Серафим (Ляде) в беседе с протоиереем А. Закидальским говорил: «Жить мне осталось недолго. На сделки со своею совестью мне уже идти нельзя. Патриарха (Алексия I) я считаю вполне законным и каноническим. Одной ногой я стою уже в могиле. Православие принял по убеждению... Теперь, перед смертью, моим желанием является умереть в мире с русской православной церковью. Анастасий о моих настрояниях знает и поэтому всеми силами старается меня из Синода выгнать. Рано или поздно, между нами разрыв наступит... Если мне почему-либо не удастся войти в юрисдикцию Патриарха Московского, тогда я войду в подчинение Патриарха Вселенского. Против Православной Русской Церкви, против Русского народа я никогда не выступал. Если выступал, то только против коммунизма»³². Однако никакого «разрыва» с митрополитом Анастасием не произошло, владыка Серафим вплоть до своей кончины 14 сентября 1950 г. в Мюнхене управлял Германской епархией Русской Православной Церкви за границей и даже вновь был включен в состав ее Синода.

Вместо митрополита Серафима важную роль в Архиерейском Синоде стал играть архиепископ Пантелеимон (Рудык). В частности, 11 мая 1946 г. Синод постановил учредить Синодальный миссионерский комитет под председательством владыки Пантелеимона и о награждении его бриллиантовым крестом для ношения на клобуке³³ (правда, этот архиепископ позднее перешел в Московский Патриархат).

Важной проблемой была ситуация в Китае, где почти все архиереи РПЦЗ, кроме архиепископа Шанхайского свт. Иоанна (Максимовича), перешли в юрисдикцию Московского Патриархата. Учитывая это, 28 мая 1946 г. Архиерейский Синод постановил исключить начальника Китайской Православной Духовной Миссии архиепископа Виктора (Святина) из списков иерархии РПЦЗ и освободить клир и паству в Китае от обязанности подчиняться ему. Архиепископу Шанхайскому Иоанну были предоставлены права епархиального архиерея с распространением его юрисдикции на все другие русские церкви в Китае, оставшиеся в ведении Архиерейского Синода³⁴. Владыка Иоанн управлял подчиненными ему приходами вплоть

---

32. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 129. Т. 1. Л. 185.

33. СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

34. Там же.

до приближения в 1949 г. войск китайских коммунистов к Шанхаю и своей эвакуации вместе с паствой ввиду неминуемого взятия города.

Сложность устройства церковных дел в Западной Европе вызывала многократные перемещения архиереев. Так 13 июля 1946 г. Синод вместо епископа Димитрия (Магана) назначил на Австрийскую и Венскую кафедру епископа Афанасия (Мартоса), но 2 августа освободил епископа Нафанаила (Львова) от управления Западно-Европейской епархией «ввиду выяснившихся затруднений» для его переезда в Брюссель и назначил его на Австрийскую и Венскую кафедру. Временное же управление Западно-Европейской епархией было поручено члену Синода епископу Детройскому Иерониму, а до его прибытия в Европу — митрополиту Анастасию. Впрочем, уже 13 августа Синод постановил временно — на четыре месяца сохранить за владыкой Нафанаилом Западно-Европейскую епархию, а на Австрийскую кафедру назначить епископа Стефана (Севбо) с возведением в сан архиепископа³⁵.

С 1946–1947 гг. главное внимание Архиерейского Синода РПЦЗ было направлено на то, чтобы помочь православным русским людям выехать из разоренной войной Германии и организовать в новых местах их жительства нормальную церковную жизнь. Был открыт целый ряд архиерейских кафедр в разных странах, и иерархи, собравшиеся в результате войны в Западной Германии, постепенно получали назначения на эти новооткрытые кафедры. В сентябре 1950 г. митрополит Анастасий предпринял поездку в Западно-Европейскую епархию, где хиротонисал в Женеве 24 сентября архимандрита Леонтия (Бартошевича) во епископа для Женевского викариатства и освятил 1 октября в Брюсселе новопостроенный храм-памятник царю-мученику Николаю II и все русским людям, в смуте убиенным. Царская семья еще не была прославлена, то сам престол посвятили св. Иову Многострадальному, в день памяти которого родился император. Постройка храма длилась 14 лет, в нем поместили многочисленные святыни: частицы Животворящего Креста Господня, мощи многих святых, крест с найденными в екатеринбургской шахте иконками и кольцами царской семьи, Библия цесаревича Алексея Николаевича, икона св. Иоанна Крестителя, находившаяся с царской семьей в Ипатьевском доме, погон государя и его шинель-полушубок. Вернувшись из Брюсселя в Германию, митрополит Анастасий 8 октября 1950 г. освятил во Франкфурте-на-Майне новый храм во имя Воскресения Христова.

---

35. Там же.

С 1948 г. началось массовое переселение русских перемещенных лиц в США, Мюнхен пустел, постепенно закрывались лагеря беженцев и приходы в них. «Немецкий» период деятельности руководящих органов РПЦЗ закончился осенью 1950 г., когда митрополит Анастасий и Архиерейский Синод переехали в США. Отъезд Первоиерарха в Америку состоялся 23 ноября, на другой день он на самолете прибыл в Нью-Йорк и был торжественно встречен в Вознесенском кафедральном соборе. 25 ноября, владыка приехал в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, где на следующий день совершил торжественное освящение только что законченного собора во имя Пресвятой Троицы. После этого в монастыре открылся второй после окончания войны Архиерейский Собор, в котором приняли участие 11 иерархов РПЦЗ. Здесь же, впервые за все время существования Зарубежной Русской Церкви, митрополит совершил чин мирования и освящения мира, которое РПЦЗ получала прежде от Сербской Церкви. Резиденцией митрополита Анастасия в США первоначально стала названная синодальным подворьем Ново-Коренная пустынь в Магопаке, недалеко от Нью-Йорка, которая была устроена в имении, подаренном князем С.С. Белосельским-Белозерским. Так начался «американский период» истории Русской Православной Церкви за границей³⁶.

* * *

В Югославии, после отъезда Архиерейского Синода из Белграда, далеко не все представители русской церковной эмиграции покинули страну. В конце 1944 – начале 1945 гг. — в период освобождения страны от немецкой оккупации в ней имелось 11 русских общин, две монашеские обители (мужская и женская), епископ Митрофан (Абрамов, скончавшийся 13 января 1945 г.), 15 монахов, 32 монахини и около 20 священников; число прихожан превышало 8 тысяч человек. К этому времени значительная часть русских эмигрантов, спасаясь от коммунистов, уже выехала в Западную Европу (не менее трети – по сведениям В.А. Маевского – 3,5 тыс. только из Белграда)³⁷.

Значительная часть русских священнослужителей осталась, не желая покидать свою паству. Так протоиерей Владимир Родзянко в 1979 г. в одном из писем вспоминал: «При наступлении Красной Армии мой владыка

36. История Русской Церкви новейшего периода 1917–1990 гг. Учебное пособие / Сост. А.В. Псарев. Джорданвилль, 1999. С. 454–456.

37. Архив Свято-Троицкой семинарии РПЦЗ. Ф. В.А. Маевского, кор. Афон; *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии // *Русская жизнь*. 1946. 16 апреля.

Епископ Ириней, напомнив мне житие св. Поликарпа Смирнского, сказал, что он лично от своей паствы никуда не уйдет (даже если это ему будет стоить жизни, что фактически и случилось!) и то же советовал сделать и мне. Я остался с паствой... Фактически это означало осуществление на деле, а не только в теории, полного евхаристического общения с Русской Церковью в России и ее епископами³⁸. В своих не так давно опубликованных воспоминаниях о Владимир привел другие интересные подробности: «Осенью 1944 г. я получил письмо от матери. Она сообщила, что они собираются уезжать. Просят принять решение. За мной приехал один русский эмигрант. Десять дней ждали все прихожане: уеду или нет. Но я не наемник, а пастырь. Остался со своей паствой». В то время священник служил в церкви с. Станишиче и своими решительными действиями фактически обеспечил сдачу немцами села без боя³⁹.

В целом же события войны и их последствия крайне негативно сказались на судьбе русской диаспоры в Югославии. Почти все эмигрантские учреждения и общества были уничтожены, мужчины в возрасте от 18 до 60 лет большей частью погибли и т.п. Позднее, — в конце 1940-х — начале 1950-х гг. (во время советско-югославского конфликта) страну покинули четыре пятых еще оставшихся в Югославии русских эмигрантов, при этом 10 % уехали в СССР и 90 % в другие, главным образом западные, страны⁴⁰.

Накануне своего отъезда из Югославии — 7 сентября 1944 г. Архиерейский Синод РПЦЗ издал указ о возложении на настоятеля Свято-Троицкой церкви протоиерея Иоанна Сокаля, как на старшего из оставшихся в Белграде священнослужителей, возглавление Епископского Совета и управление русскими церковными общинами в Югославии на правах благочинного. Через несколько дней — 12 сентября Сербский Синод письменно запросил о. Иоанна, на каких канонических основаниях и в каких условиях предполагается дальнейшее существование Русской Церкви на территории Югославии. Получив этот запрос, протоиерей И. Сокаль 18 сентября созвал общее собрание Епископского Совета и приходского совета Троицкой церкви Белграда, на котором единогласно была принята резолюция: «Обратиться с просьбой к Св. Архиерейскому Синоду Сербской Православной церкви, чтобы он принял Русскую церковь в Югославии под свое покрови-

---

38. Stanford University, Special collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 1, Folder 1.

39. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 1999. С. 217–218.

40. Арсеньев А.Б. У излуины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 182; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии... С. 165.

тельство и чтобы назначил одного из архиереев для дел, требующих епископской санкции»⁴¹.

На основании этого постановления о. Иоанн обратился с соответствующей просьбой к Сербскому Синоду. Обсудив каноническое положение Русской Церкви на территории Югославии, Синод принял временное распоряжение, посчитав, что окончательным разрешением этого вопроса займется в дальнейшем Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви. Оставшиеся без своей иерархии Епископский Совет и благочинный Русской Церкви в Югославии были временно взяты под покровительство Сербского Архиерейского Собора. Для дел, требующих архиерейской санкции был назначен епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (в миру Любомир Раич, окончивший в 1907 г. Московскую Духовную Академию). 23 сентября Сербский Синод известил о. Иоанна о своем решении⁴².

Получив письменное извещение от о. И. Сокаля, находившийся в то время в Вене Архиерейский Синод РПЦЗ на своем заседании от 30 сентября принял это решение к сведению⁴³. 2 октября митрополит Анастасий написал заместителю патриарха митрополиту Иосифу, что принятое Сербским Синодом распоряжение отвечает тем указаниям, которые он оставил Епископскому Совету на случай перерыва нормальных сношений между ним и русскими общинами в Сербии. Первоиерарх РПЦЗ выразил владыке Иосифу глубокую признательность за заботу о русских приходах, проявившуюся в поручении временного управления ими епископу Владимиру, и отметил: «Неожиданно для нас быстрый отъезд из Белграда и невыясненность в тот момент общей обстановки не дали мне возможности письменно известить Вас об отбытии Синода. Я должен был ограничиться тем, что заехал к Вам проститься и рад, что имею теперь случай письменно выслать в Вашем лице глубокую благодарность от лица всей нашей Церкви братской Сербской Церкви за то гостеприимство, какое оказывалось нам с 1920 г.»⁴⁴

В состав возглавленного епископом Владимиром Епископского Совета входили: протоиерей Иоанн Сокаль (заместитель председателя), протоиерей Виталий Тарасьев, священник Владимир Мошин и профессор В.Ф. Фрадинский (секретарь)⁴⁵. 27 октября 1944 г. Сербский Синод принял

---

41. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 23–23об.

42. Там же.

43. СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

44. Там же. Д. 3/50.

45. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

постановление о том, что «исключительное положение русского прихода и церковной общины имеет лишь временное значение, пока этот вопрос не регулируется взаимным соглашением между Сербской и Русской Патриархией»⁴⁶. Другим своим постановлением от 14 ноября 1944 г. Сербский Синод отменил действие определения Архиерейского Собора Сербской Церкви от 31 августа 1921 г. о принятии под защиту Зарубежной Русской Церкви с сохранением ее самостоятельной юрисдикции на территории страны⁴⁷. При этом в условиях прихода к власти в Югославии коммунистов Архиерейский Синод РПЦЗ вскоре потерял возможность оказывать реальное влияние на церковную ситуацию в стране.

Приход советских войск в восточную часть Югославии многие русские эмигранты встретили с радостью. По свидетельству краеведа Б.Л. Павлова сразу после освобождения г. Великого Бечкереха (Петровграда) осенью 1944 г. местный русский храм св. Архангела Михаила активно посещали советские солдаты, шедшие через город на фронт: церковь часто была полна до отказа. У многих на шее были ладанки, иконки, кресты; некоторые знали службу и помогали священнику Александру Мирошниченко, находились среди них и певчие. Но после ухода советских частей в храме уже не было такого количества верующих⁴⁸.

14 октября 1944 г. советские войска вместе с Народно-освободительной армией Югославии изгнали немецкую армию из Белграда. Академик, протоиерей Владимир Мошин позднее так вспоминал об этих событиях: «...в день Покрова Пресвятой Богородицы и в день второй годовщины моего рукоположения я поехал утром служить литургию в кладбищенской Иверской церкви и уже по пути увидел в городе волнение. На одном переходе стоял грузовик, нагруженный винтовками, которые разбирались группой собравшихся прохожих. Служил я литургию один с псаломщиком и церковным стражем Анисием. По возвращении на Битольской улице среди столпившейся на тротуаре публики встретил проходившую колонну советских танков, которую восторженно приветствовало население... Советские воины – и встречные одиночки, и размещенные по разным центрам города отряды – не проявляли никакого недружелюбия к моей священной рясе. В первый вечер после освобождения нашего района по нашей

---

46. Там же. Л. 37.

47. Пузович В. Отношение Сербской Православной Церкви каноническому и юридическому положению Русской Православной Церкви Заграницей (1920–1930) // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 161.

48. Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереха (Петровграде-Зреняине). Зренянин, 1994. С. 10.

улице проводился обход новоустановившимися сербскими властями, которые арестовывали всех подозреваемых в сотрудничестве с немцами, к числу которых относили и русских эмигрантов...». В числе арестованных оказался и о. Владимир, но на следующее утро, после допроса советским офицером, он был освобожден и вернулся к церковному служению⁴⁹.

При этом некоторые арестованные русские эмигранты были вывезены из Югославии в СССР, где получили различные сроки заключения. В их число входили бывший профессор богословского факультета Белградского университета, руководитель и идеолог молодежной организации Национально-трудового союза нового поколения Михаил Александрович Георгиевский, создатель храма Пресв. Троицы и Иверской часовни в Белграде военный инженер Валерий Владимирович Сташевский и известный политический деятель дореволюционной России и Белого движения монархист Василий Витальевич Шульгин. Упомянутый настоятель русского храма в г. Великом Бечкереке священник Александр Терентьевич Мирошниченко был в конце 1944 г. арестован органами НКВД, провел несколько месяцев в лагере, но затем вышел на свободу и вернулся к служению в своем приходе⁵⁰. Один из русских эмигрантов 27 октября 1950 г. писал митрополиту Анастасию, что его вместе с женой арестовали 26 октября 1944 г. и после почти пятимесячного заключения в лагере Баница освободили в числе других 63 русских, при этом некоторых эмигрантов в этом лагере расстреляли⁵¹.

Многие из освобождавших Белград советских солдат и офицеров посетили усыпальницу русских воинов на Новом кладбище и оставили записи в памятной книге гостей. Так, например, капитан Павел Вий 14 февраля 1945 г. написал: «В первый раз увидел памятник русской славы, усыпальницу погибших за веру, царя и отечество. Я – офицер Красной армии, но духом воспитанный в православии и любви к русскому человеку». Капитан Г. Розанов 8 июля 1945 г. записал: «Слава русским воинам, погибшим за освобождение славянских народов». В другом месте книги можно было увидеть подписи 30 советских солдат, а под ними – «И я – Танечка Чупкова, санитар»⁵².

Некоторые из русских эмигрантов вступили в ряды советской армии и в дальнейшем погибли, сражаясь с нацистами, например, проживавшие

49. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии... С. 200–201.

50. Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке... С. 19–20.

51. СА. Д. 36/43.

52. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). С. 25.

в Суботице Юрий Федорович Высево (бывший югославский партизан) и Федор Архипович Высево – духовные дети священника Владимира Родзянко. Сын настоятеля Свято-Троицкой церкви Белграда протоиерея Иоанна Сокала – Анатолий, окончивший в 1943 г. медицинский факультет Белградского университета, вступил в ряды Народно-освободительной армии Югославии на должность бригадного врача и воевал в ее рядах до мая 1945 г.⁵³

Уже в конце ноября 1944 г. протоиерей Иоанн Сокаль отправил на имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Алексия (Симанского) письмо с ходатайством о возвращении на Родину и вхождении в состав Московского Патриархата: «От имени всех духовных лиц, оставшихся и ныне пребывающих в Белграде, и от лица всех русских церковных людей, поддерживающих тесную и постоянную связь с русской церковью, — выражаю искреннюю радость по случаю славных побед русского оружия, освободивших славянские земли от наших старых поработителей-врагов и давших нам, русским людям в рассеянии сущим, возможность обратиться непосредственно к Вам, Ваше Высокопреосвященство, с покорнейшей просьбой, исходатайствовать нам право возвращения на родину с тем, чтобы мы вошли в состав Русской Церкви, под непосредственным управлением Вашего Высокопреосвященства и, честно работая на ниве Христовой, могли бы принести посильную пользу, как церкви, так и своей родине»⁵⁴.

В конце января – начале февраля 1945 г. протоиерей Иоанн Сокаль в составе делегации Сербской Церкви приезжал в Москву для участия во Всероссийском Поместном Соборе, избравшем Патриархом Московским и всея Руси митрополита Алексия (Симанского). При этом он привез для передачи в фонд помощи детям фронтовиков золотой венец с бриллиантами с иконы Божией Матери Знамения (весом около двух с половиной килограммов), а также золотые и серебряные предметы в подарок патриарху⁵⁵.

С приходом советских войск области, отторгнутые Венгрией от Югославии, вновь вернулись в состав последней и вместе с ними — состоявшее из шести общин особое русское благочиние, входившее в 1941–1944 гг. в состав Средне-Европейского митрополичьего округа РПЦЗ. Уже 31 января 1945 г. на Всероссийском Поместном Соборе в Москве была принята «Инструкция по управлению русскими приходами в Банате», освобожденном тогда советской армией. Эти приходы первоначально вошли в состав Мо-

---

53. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 149. Л. 15.

54. Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 23–23 об.

55. Там же. Л. 12. Оп. 2. Д. 33. Л. 6.

сковского Патриархата. В апреле, вскоре после подписания советско-югославского договора о дружбе и взаимопомощи, было образовано «Общество по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР», в котором должность библиотекаря занял руководитель церковно-культурной организации «Русская Матица» г. Нови Сада Д.В. Скрынченко, передавший обществу ее библиотеку (он скончался в 1947 г. и был похоронен на русском отделении Успенского кладбища Нови Сада).

Служивший настоятелем одного из приходов русского благочиния Воеводины священник Владимир Михайлович Родзянко (1915–1999), внук председателя Российской Государственной Думы В.В. Родзянко, 3 апреля 1945 г. писал Московскому Патриарху Алексию I: «Выражая Вашему Святейшеству желание послужить Св. Церкви Русской, духовным чадом которой (наравне с Сербской Церковью) я себя считаю, я всецело предоставляю себя в распоряжение Вашего Святейшества, в надежде, что моя работа, как научного церковного работника, будет полезна Матери-Церкви и Родине»⁵⁶.

Еще в середине января 1945 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей известил председателя Сербского Синода митрополита Иосифа (Цвийовича) о предстоящей посылке в Югославию делегации Русской Православной Церкви во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) по «деловым вопросам, касающимся наших церковных взаимоотношений и, в частности, по вопросу о переходе в наше ведение Мукачевско-Пряшевской епархии, а также тех русских приходов, которые находятся в ведении протоиерея Сокаля»⁵⁷.

8 апреля эта делегация прибыла в Белград, и 10 апреля о. И. Сокаль написал Патриарху Алексию: «Ваше Святейшество! Русская белградская церковная община с радостью узнала, что в Белграде предполагается открытие церковного подворья Московской Патриархии. Искренне желая скорейшего осуществления этого решения, сыновне просим Ваше Святейшество использовать для этой цели уже существующий в Белграде наш русский городской храм и кладбищенскую часовню со всем их церковным имуществом и ризницей. Вместе с тем мы ходатайствуем принять весь русский приход белградской церковной общины в юрисдикцию Русской Церкви, чтобы наша церковная жизнь в дальнейшем могла протекать под непосредственным архиерейским руководством Вашего Святейшества. Моральным основанием для нашего ходатайства служит то обстоятельство,

---

56. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии... С. 151.

57. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 35.

что мы не принимали участия в общем направлении Карловацкого Синода и в его деятельности, направленной к обособлению от Московской Патриархии. И как только представилась возможность, мы и проявили свое настроение в том, что решили остаться на месте, дожидаясь прихода Красной Армии и ходатайствовать о воссоединении нас с Русской Церковью»⁵⁸.

Это прошение было удовлетворено. 13 апреля Сербский Священный Архиерейский Синод дал разрешение на канонический отпуск всем священникам РПЦЗ на территории Югославии, находившимся под покровительством Сербской Церкви, и, в соответствии с данными епископу Сергию полномочиями, причт и общины двух русских храмов Белграда (Свято-Троицкого и Иверского) приняли в каноническое и евхаристическое общение с Московской Патриархией. Чиноприем духовенства (протоиереи Иоанна Сокала, Владислава Неклюдова, Виталия Тарасьева, священника Владимира Мошина, иеромонаха Антония (Бартошевича) и протодиакона Александра Качинского), после принесения ими покаяния, епископ Сергей совершил лично 13 апреля в малой часовне Сербской Патриархии. На следующий день он торжественно совершил литургию в переполненной прихожанами Свято-Троицкой церкви, которую предварительно освятил, что о. Владимир Родзянко расценил, как кощунство⁵⁹. Отслуженная позднее владыкой Сергием панихида по скончавшемуся президенту США Франклину Рузвельту также вызвала удивление, и даже возмущение у части прихожан.

Членам делегации подарили часть архива Свято-Троицкого храма, а на обеде, устроенном в их честь русской церковной общиной, протоиерей И. Сокаль произнес тост, в котором, сильно идеализируя советскую действительность, заявил: «На Родине нашей практически осуществляется христианство... Советский Союз и есть Святая Русь, осуществляющая Евангелие в жизни. Кому же мы обязаны созданием Советского Союза – Святой Руси? Кто осуществляет эту дивную гармонию жизни Государства и Церкви? Это сделал великий, гениальный Сталин. За его здоровье и благоденствие я поднимаю свою чашу»⁶⁰.

Указом от 19 апреля владыка Сергей утвердил о. И. Сокала настоятелем Свято-Троицкой церкви и временно исполняющим обязанности благочинного русских приходов в Югославии, а также поручил «принимать

---

58. Там же. Л. 37.

59. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии... С. 152; Савинский С. Пятнадцать дней в Югославии // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 6. С. 23.

60. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 53 об.

в общении с Московской Патриархией клириков и монашествующих так называемой «Карловацкой группировки», через принесение покаяния», о чем составлять акты и пересылать их в Управление делами Московской Патриархии. Сербские архиереи были возмущены этим требованием, так как не сомневались в каноничности РПЦЗ, кроме того, они считали русских клириков временно принадлежавшими к своей юрисдикции и готовы были и дальше оказывать им покровительство, однако владыка Сергий заявил им: «...у меня такие полномочия, и я так должен поступить»⁶¹. В виде исключения, по личному указанию епископа Сергия, без покаяния были приняты только священники Владимир Родзянко и Василий Колюбаев.

Позднее, в письме прот. Георгию Граббе от 3 февраля 1979 г. о. Владимир Родзянко описал эту историю так: «...в Белград приехал... епископ Сергей (Ларин), заданием которого было “принять в Церковь через покаяние всех раскольников”, т.е. всех русских священнослужителей, а храм св. Троицы в Белграде “освятить”. Для меня лично это было также неприемлемо, как и противоположный взгляд с Зарубежной стороны: евхаристическое общение существовало и не было нарушено, через Сербскую Церковь, и никаких оснований у Московской Патриархии не было так поступать, поскольку Митрополит Анастасий, уезжая, дал канонический отпуск всем оставшимся священнослужителям Русской Зарубежной Церкви в Сербскую Церковь, которая всех их приняла в свою юрисдикцию. Московская Патриархия могла спорить с Сербской, но канонически не имела никакого права так поступать с клириками уже Сербской Церкви. Это было явным насилием. Тем не менее, всех русских священников вызвали в Белград. Мой тесть, о. Василий Колюбаев, и я наотрез отказались от такого кощунства. “Ты с ума сошел, — сказал мне отец Иоанн Сокаль, — у меня вчера дьякона расстреляли!”. “Пусть и меня расстреляют”, — с юношеской запальчивостью ответил я. К чести о. Иоанна, он после долгой беседы с Епископом Сергием наедине, вышел и сказал: “Отцу Василию и отцу Владимиру не надо, так как они — в сербской юрисдикции”. Это была натяжка, так как меня рукополагал Митрополит Анастасий “запрещенный”), и оба мы, с о. Василием, обслуживали русские приходы, входившие в Русскую Зарубежную Церковь, хотя и жили на сербских приходах. Канонической

---

61. *Кострюков А.А.* Принятие в юрисдикцию Московского Патриархата священнослужителей Русской Зарубежной Церкви в Югославии в 1945 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 2 (27). С. 78.

разницы между нами и всеми остальными не было никакой. Просто была жалость Епископа Сергия к нам»⁶².

По вопросам о Святом Мире, антиминых, утверждению постановлений по бракоразводным процессам, а также по делам, требующим архиерейской канонической санкции, епископ Сергей указал обращаться в Сербский Синод. 27 апреля владыка подписал список русских священнослужителей, принятых в общение с Московской Патриархией. Помимо шести членов причта Свято-Троицкой церкви в него вошли: настоятель церкви в Земуне протоиерей Виталий Лепоринский, настоятель церкви св. царя Лазаря протоиерей Иоанн Гандурин, протоиереи Сергей Ноаров, Алексей Ефремов, иеромонах Иларион (Скляр) и настоятель русского иноческого братства Животворящего Святого Креста в Земуне игумен Лука (Родионов)⁶³.

Кроме того, в юрисдикцию Московского Патриархата перешли насельницы Хоповского (бывшего Леснинского) монастыря, а также все 30 членов братства Святого Креста: иеромонахи Феофан (Шишманов), Димитрий (Бодров), Роман (Ивич), иеродиаконы Зосима (Иванович), Савва (Ранисавлевич), монахи Карион (Иванович), Акакий (Маринкович), Макарий (Иванович), послушники Слава Новакович, Любомир Новакович, игумен Параскева (Иванович), монахини Фекла (Новикова), Василиса (Буторкичева), Нина (Буторкичева), Дария (Раниславлевич), Любовь (Мартынович), Вера (Ивич), Надежда (Младенович), Анисия (Дотич), Евгения (Станоевич), Ксения (Милорадович), Олимпия (Маркович), Феврония (Новакович), Рипсимия (Стоимирович), Гаиания (Боснокович), Амвросия (Георгиевич), послушницы Елена Антонова, Валентина Орлова, Зоя Орлова и Любина Миладинова⁶⁴.

Одной из целей поездки делегации Московской Патриархии было решение вопроса о прекращении общения Сербской Церкви с Русской Православной Церковью за границей, однако добиться этого не удалось. На заседании Сербского Синода 11 апреля епископ Сергей просил прекратить каноническое и евхаристическое общение с «нашими эмигрантами, как раскольниками», широко оповестить об этом в Югославии и уведомить представителей автокефальных Православных Церквей. В ответ митрополит Скопленский Иосиф сказал, что Синод не компетентен решать такие вопросы

---

62. Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 6, Folder 2.

63. Журнал Московской Патриархии. 1946. № 5. С. 43.

64. *Кострюков А.А.* Принятие в юрисдикцию Московского Патриархата священнослужителей... С. 79–80.

без Патриарха и Собора епископов, а епископ Тимочский Емилиан открыто заявил, «что разрыв с эмигрантами для них тяжел, так как они в течение 26 лет помогали эмигрантскому Синоду, тем самым желая помочь всей Русской церкви, что уведомление от Московской патриархии о запрещении эмигрантов в священнослужении они не получали, что как профашистов Сербский Синод судить карловчан не будет, ибо — это политика, а они ведут церковь Сербскую вне политики»⁶⁵. Сербский Синод лишь согласился временно прекратить общение с РПЦЗ, а окончательное решение вынести после возвращения в страну Патриарха Гавриила на Архиерейском Соборе, что так и не произошло. Вплоть до 1950 г. Русская Православная Церковь за границей получала Святое Миро от Сербского Патриархата, который и впоследствии допускал сослужение с ее духовенством.

30 октября 1945 г. Патриарх Алексей I ввел пост благочинного русских православных приходов в Югославии (им был назначен о. И. Сокаль) и с согласия Сербской Церкви учредил подворье Московского Патриархата в Белграде. Вернувшийся вскоре из поездки в Москву епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич) 25 ноября возложил на о. Иоанна митру, которой его наградил Патриарх Алексей⁶⁶. С 20 апреля 1945 г. секретарем Свято-Троицкого прихода, а с 30 октября — подворья Московского Патриархата в Белграде был Викентий Флорианович Фрадинский, избранный 6 сентября 1945 г. профессором восстановленного богословского факультета Белградского университета.

С 30 декабря 1945 г. протоиерею И. Сокалю также подчинялся русский приход в Нови Саде. Однако другие приходы существовавшего в Воеводине особого русского благочиния, по соглашению Московского и Сербского Патриархатов, с этого времени были включены в состав Бачской епархии и перешли под управление епископа Бачского Ириней (Чирича). В 1946 г. довольно часто выходил «Бюллетень благочиния русских православных церквей православной епархии Бачской», сохранившиеся номера которого дают определенное представление о русской церковной жизни края⁶⁷.

В благочиние входили шесть приходов: при русской церкви на кладбище в г. Сомборе (настоятель — благочинный священник Василий Колюбаев), при домовым храме свт. Николая Чудотворца в русском селе Плавна (настоятель — священник Михаил Толмачев), в г. Тителе (настоятель — священник Михаил Виноградов), при временно закрытой «в виду

---

65. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 95–104.

66. СА. Д. 47/44.

67. Там же.

военных событий» церкви прп. Сергия Радонежского в г. Врбасе, в Суботице и Нови Саде. При этом русская церковь свт. Николая Чудотворца в Суботице, настоятелем которой ранее служил о. Владимир Родзянко, была разрушена бомбой, богослужения для русских прихожан стал совершать в местной сербской церкви священник Драгутин Симич⁶⁸.

В связи с отъездом прежнего настоятеля о. Николая Чистякова в Австрию свободного русского священника в Нови Саде не оказалось, и епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир с согласия епископа Иринея в марте 1945 г. назначил настоятелем русского прихода при церкви свт. Василия Великого хорошо знавшего русский язык сербского иеромонаха Иоанна (Стойковича), принявшего перед этим монашество в русской церкви Пресвятой Троицы в Белграде. Отец Иоанн служил настоятелем храма до апреля 1953 г. Уехавшего в Германию регента хора Васильевской церкви В.Ф. Григорьева сменила Е.Ф. Мазаракий⁶⁹.

Владыка Ириней еще в конце 1944 г. был лишен новыми югославскими властями возможности управлять епархией, он был на полтора года подвергнут домашнему аресту, якобы за «бездействие» в защите сербов от венгерских оккупантов. Однако 15 марта 1946 г. владыка вновь вернулся к своему служению и 15 апреля того же года возвел благочинного священника Василия Колюбаева в сан протоиерея. Епископ Ириней также остался председателем Православного русского миссионерского совета, который еще несколько лет продолжал свою церковно-просветительскую деятельность в Воеводине. После возвращения епископа Иринея к служению снова была открыта опечатанная несколько месяцев русская церковь свт. Василия Великого в его архиерейском доме, при этом богослужения продолжали совершаться и в используемой русскими новосадской церкви свт. Николая Чудотворца, где их окормлял сербский священник Савва Стефанович⁷⁰.

Секретарем Православного русского миссионерского совета был священник Владимир Родзянко, который, хотя и был принят в юрисдикцию Московского Патриархата, в первые послевоенные годы служил настоятелем сербского прихода в с. Станишиче Бачской епархии. Личность о. В. Родзянко вызывала интерес в Совете по делам Русской православной церкви, и в документах этого ведомства сохранилась следующая характеристика

---

68. СА. Д. 18/41. Л. 28; *Арсеньев А.* Русский православный приход в Новом Саду 1922–1955 гг. // *Православная Русь.* 1998. № 17. С. 7–8.

69. *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная. М., 1999. С. 187.

70. *Арсеньев А.Б.* Русский православный приход в Новом Саду 1922–1955 гг. // *Православная Русь.* 1998. № 17. С. 7–8; *Колмаков В.* Верный сын православного Отечества // *Воронежский епархиальный вестник.* 2003. № 3. С. 97; СА. Д. 47/44.

священника: «Человек он способный, даровитый и идейный священник... Думаю, что его не следует выпускать из рук, а наоборот держать в одном из демократических государств для службы среди русских, но не держать вблизи американской и английской зоны, т. к. его родители постараются облегчить ему переезд на запад в Лондон, и тогда враги могут использовать его в своих целях»⁷¹.

С момента назначения благочинным о. Иоанн Сокаль регулярно посылал Патриарху Алексию доклады о положении Сербской Церкви и русских общин в Югославии. В частности, в одном из них, от 8 февраля 1947 г., он писал: «Что же касается нашей русской жизни, то она по-прежнему течет мирно и спокойно. Почти все стали советскими гражданами и постепенно приобщаются к жизни своей Родины через литературу, лекции и кинематограф. Церковная жизнь оживляется пока сведениями из журналов Московской патриархии, которые с января поступают на мое имя и рассылаются во все концы». Протоиерей И. Сокаль также писал о том, что необходимо окончательно решить вопрос о подворье в Белграде и русских приходах⁷².

К 1947 г. многие русские священнослужители в Югославии действительно приняли советское гражданство. Так, например, настоятель русского прихода в Сараево протоиерей Алексей Федорович Крыжко в 1958 г. вспоминал: «Проживая в Югославии, хотя и долгое время, я своего русского первородства на чечевичную похлебку не менял, т.е. югославского подданства, при всех его материальных и правовых привилегиях, не принимал. Поэтому, когда в 1946 г. по указу Президиума Верховного Совета СССР Советское посольство в Югославии предложило русским людям восстановить подданство СССР, то я с радостью воспользовался этим предложением и вел пропаганду между русскими людьми, дабы они отозвались на этот призыв. Передав в июле 1946 г. все документы для оформления гражданства СССР, я с большим нетерпением ждал получения паспорта, но таковой не приходил. Тогда я обратился к священнику русской церкви в Белграде протоиерею Владиславу Неклюдову с просьбой зайти в Консульский отдел нашего Посольства и по моей доверенности получить для меня мой паспорт, что он и исполнил. Паспорт я получил от него 5 декабря 1946, чему был весьма рад...»⁷³

71. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии... С. 158.

72. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 134. Л. 76–77.

73. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9324. Оп. 4. Д. 16. Л. 141–141 об.

Отец Алексей отправил о. В. Неклюдову письмо с благодарностью, выразив свою радость. Это письмо было использовано о. Владиславом в полемике со сторонниками РПЦЗ, которые присылали из американской зоны Германии антисоветские листовки своим знакомым в Белград. Протоиерей размножил письмо о. Алексея и аналогичное благодарственное письмо архимандрита Феодосия и разослал их на Запад своим противникам по полемике, самым активным из которых был епископ Серафим (Иванов)⁷⁴.

Не все из прихожан Свято-Троицкой церкви положительно оценивали позицию ее священнослужителей. Так один из русских эмигрантов 27 октября 1950 г. с возмущением писал первоиерарху РПЦЗ, что о. И. Сокаль, призывая принять советское гражданство, с церковного амвона «повествовал о милости отца народов», по оценке автора письма — «кавказского ишака». В свою очередь, протоиерей В. Неклюдов не был коммунистом, но он переоценил Советский Союз, «его затуманила поездка в СССР», и о. Владислав стал активно выступать с проповедями, лекциями и докладами о необходимости вернуться туда⁷⁵.

Эта реакция «скептиков» нашла некоторое отражение в письме о. Иоанна Сокаля Патриарху Алексию от 11 августа 1947 г., в котором говорилось: «В нашей церковной жизни пока все благополучно. Прихожан не особенно много, но службы ведем ежедневно и согласно Уставу. Вероятно, уйдет от нас свящ. В. Мошин на должность управляющего архивом в Загребе 1 сентября. Он не был в штате, а лишь приписным. Останется настоятель, два священника, диакон и два псаломщика. О. архимандрит Антоний тоже приписной, все надеется на Вашу милость. Приезд Троицкого и его удовлетворение всем, что он видел на родине, очень благоприятно повлияло на настроение неисправимых скептиков»⁷⁶.

Упомянутый в письме профессор церковного права Белградского университета Сергей Викторович Троицкий (1878–1972) во второй половине 1940-х гг. регулярно приезжал в СССР для чтения лекций в Московской духовной академии (с 1947 г. был ее профессором) и работы в Московской Патриархии (в 1949 г. эти поездки прекратились из-за отказа в выездной визе правительством Югославии). В 1947–1948 гг. он также преподавал каноническое право в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. В июле 1948 г. профессор С.В. Троицкий, наряду с протоиереями Иоанном Сокалем и Владиславом Неклюдовым, был почетным гостем на праздни-

---

74. Там же. Л. 141 об.–142.

75. СА. Д. 36/43.

76. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 134. Л. 157.

нии 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой Лавре. 29 марта 1956 г. Совет Ленинградской духовной академии избрал Сергея Викторовича Троицкого (выпускника Санкт-Петербургской Духовной Академии 1901 г.) ее почетным членом. В 1955–1956 гг. он подарил академической библиотеке несколько богословских книг на сербском языке⁷⁷.

Во второй половине 1950-х гг. С.В. Троицкий по поручению Московской Патриархии написал свою известную и довольно тенденциозную книгу «О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского “Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и Заграницей”». Париж, 1960». Скончался профессор в 1972 г. и был похоронен на русском участке Нового кладбища Белграда, у Иверской часовни⁷⁸.

Еще одним русским профессором богословского факультета Белградского университета после Второй мировой войны являлся Викентий Флорианович Фрадинский. В критический момент для возобновления работы факультета в 1945 г. в коммунистической Югославии, В.Ф. Фрадинский был один из девяти преподавателей, стараниями которых факультет восстановил свою деятельность, в дальнейшем он до своей кончины в 1961 г. возглавлял кафедру общей истории Церкви. Профессор своими работами, посвященными в основном вопросам древнехристианской харизматической и иерархической структуры Церкви, во многом способствовал развитию сербской церковной исторической науки. В.Ф. Фрадинский опубликовал также несколько интересных статей на тему дохалкидонских Церквей (первые четыре статьи вышли в 1952–1954 гг. в «Сборнике Православного богословского факультета», а последняя — в журнале «Богословие» в 1959 г.)⁷⁹.

Упомянутый в письме о. Иоанна священник Владимир Алексеевич Мошин, крупный ученый в области палеографии и славистики, служил в Свято-Троицкой церкви до сентября 1947 г. В своих воспоминаниях он так писал о послевоенной ситуации в ней: «Внутренняя жизнь церкви не претерпела изменений: осталась под управлением о. Иоанна Сокаля с прежними его тремя священниками, среди которых я был младшим. Тогда же все мы стали ходатайствовать о возвращении в советское граждан-

77. Архив Санкт-Петербургской Духовной Академии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 131, 244.

78. Православни Богословки факултет Српске Православне Цркве 1920–1980. Београд, 1980. С. 176–177.

79. Драшкович Ч. Четрдесет година Богословског факултета у Београду // Богословље, Београд, 1961. № 1–2. С. 11.

ство, что и было утверждено в 1947 г. В материальном отношении церковь жила по прежнему на доходы от церковных служб, продажи свечей и т. д., не получая содержание от Москвы. Но Патриархия стала регулярно присылать церкви свои печатные издания – журнал Московской Патриархии и календари, предоставив церкви доход от продажи этих книг...»⁸⁰

В конце августа 1947 г. В.А. Мошин принял приглашение занять место директора архива Хорватской Академии наук и вскоре переехал в Загреб. При этом он получил канонический отпуск от Патриарха Алексия и был причислен к загребской сербской церкви св. Преображения, где продолжил церковное служение. Позднее священник В.А. Мошин работал в научных учреждениях Белграда и Скопле, считался основателем югославской палеографической науки, и был избран членом Македонской Академии наук и искусств.

Согласно результатам переписи 1948 г. в Югославии в это время насчитывалось 13 тыс. прихожан Русской Православной Церкви, в том числе 3 тыс. в Сербии⁸¹. Они были объединены в 11 общин, которые окормляли 20 священнослужителей, имелись также два русских монастыря⁸². В Московской Патриархии рассчитывали, что благочинный — протоиерей Иоанн Сокаль будет не только информировать, но и содействовать укреплению связей с Сербской Церковью, однако эти ожидания не слишком оправдались. Когда в апреле 1948 г. о. Иоанн встретившись с посетившим Белград епископом Мукачевским и Ужгородским Нестором, заявил ему, что митрополит Скопленский Иосиф – великосербский шовинист, владыка Нестор констатировал: «Между Сокалем и русской церковью с одной стороны и Сербским Синодом с другой отношения довольно прохладные, хотя Сокаль и митрополит Иосиф были соучениками в Академии»⁸³.

В июле 1948 г. о. Иоанн Сокаль, сопровождая Сербского Патриарха Гавриила, приехал в Москву на совещание глав и представителей Православных Церквей. В это время на встрече Патриархов Алексия и Гавриила обсуждался вопрос о возможном переходе русских приходов в Югославии в управление сербских епархиальных архиереев, и было решено, что они останутся в юрисдикции Московского Патриархата⁸⁴.

---

80. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии... С. 202.

81. Радич Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Део 1, 1945–1953. Београд, 2002. С. 150.

82. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 148–149.

83. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 422. Л. 45.

84. Там же. Оп. 7. Д. 149. Л. 12.

В 1949 г. клир благочиния Московского Патриархата в Югославии состоял из 17 человек: протоиереи Иоанн Сокаль, Владислав Неклюдов, Виталий Тарасьев, Виталий Лепоринский, Алексей Крыжко, священники Сергей Ноаров, Александр Мирошниченко, Никон Веселовский, протодиакон Александр Качинский, архимандриты Макарий (Матвиенко), Антоний (Бартошевич), игумен Лука (Родионов), иеромонахи Тимолай (Пастухов), Никандр (Беляков), Феофан (Шишманов), иеродиаконы Зосима (Йованович) и Савва (Ранисавлевич)⁸⁵.

К этому времени часть русских эмигрантов уже выехала в СССР, однако желавшим вернуться на Родину священнослужителям советские власти визы давали редко и с большим трудом. Так, например, протоиерей И. Сокаль безрезультатно взывал о помощи в письме Патриарху Алексию от 14 июля 1948 г.: «В Белграде все знают, что я несколько лет прошу перевода... Если я не еду, то это объясняют тем, что я сам не хочу, так как нахожу, что на родине живется плохо, хотя я другим советую, или вообще тут священники не нужны, или меня считают недостойным, что унижает меня с моральной стороны. Дети мои советские граждане и, при изменившихся политических условиях, как иностранцы, должны будут уйти со службы. Все это расстраивает нашу семейную жизнь и приводит к отчаянию... Еще раз умоляю Ваше Святейшество принять меня на любую должность и в какое угодно место, главное – лишь бы в этом году»⁸⁶. К сожалению, Патриарх был бессилён оказать помощь в данном вопросе из-за противодействия советских властей.

Так и не уехал в СССР, несмотря на первоначальное желание, талантливый иконописец, ученик Пимена Софронова, архимандрит Антоний (в миру Андрей Георгиевич Бартошевич, 1910–1993). Он написал несколько икон для белградского храма Пресвятой Троицы и Иверской часовни, в 1939 г. окончил богословский факультет Белградского университета, в 1941 г., после принятия монашеского пострига, был рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. С февраля 1942 г. о. Антоний служил законоучителем в Русском кадетском корпусе в Белой Церкви, с июля 1943 г. работал руководителем двухмесячных курсов иконописи в Белграде. С сентября 1944 г. он служил сверх штата в Троицкой церкви Белграда, 19 апреля 1945 г. был принят в общение с Московским Патриархатом, в октябре 1945 г. возведен

---

85. Там же. Оп. 1. Д. 580. Л. 40–41.

86. Там же. Д. 422. Л. 89; *Косик В.И.* Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии) // *Славяноведение*. 1999. № 5. С. 104.

в сан игумена⁸⁷ и в феврале 1946 г. — в сан архимандрита. В первые послевоенные о. Антоний надеялся вернуться на Родину, в 1948 г. принял советское гражданство, однако разрешение на въезд в СССР все не приходило.

17 июля 1948 г. о. Иоанн Сокаль писал в рапорте Патриарху Алексию, что архимандрит Антоний, «будучи одиноким, без всяких средств к существованию... терпеливо ждет уже 4-й год какого-либо назначения. Не получая ответа на поданные два прошения, он приходит в отчаяние и думает, что его надежда возвратиться на родину никогда не осуществится. В борьбе за существование он может уйти от нас и озлобиться, и мы лишимся хорошего инока и даровитого человека. Молодого монаха очень не хотелось бы подвергать искушению приходской жизнью. Оставить его у нас тоже не следовало бы, так как реакция сочтет его отвергнутым со стороны Москвы, и сразу же будет группироваться возле него, как недовольного и обиженного. Это внесло бы расстройство в нашу приходскую жизнь. Самое подходящее для него место — это монастырь, где он мог бы организовать живописную школу, быть полезным и духовно сохраниться»⁸⁸. Через четыре месяца — в ноябре 1948 г. о. Иоанн сообщил митрополиту Николаю (Ярушевичу), что Сербский Синод убеждает архимандрита Антония занять должность преподавателя в семинарии и дает ему две недели на раздумье. Благочинный отмечал, что «если от Вас не последует никакого ответа, то он физически принужден будет согласиться на это предложение. Сербы и сейчас иронизируют над его терпением в течение стольких лет»⁸⁹.

Так и не получив ответа Московской Патриархии, о. Антоний в сентябре 1949 г. уехал в Швейцарию (где настоятелем русского храма в Женеве служил его брат архимандрит Леонтий), а затем во Францию. К этому времени он уже критически относился к коммунистическим режимам и не хотел возвращения в СССР. В письме о. Георгию Граббе от 19 октября 1949 г. архимандрит Антоний подробно описал жизнь русской церковной эмиграции в Белграде: «По воле Божией прибыл я, наконец, в Женеву. Должен сказать, что с грустью покинул я нашу церковную семью в Белграде, да и не сразу на это решился. Если бы отец Иоанн не хотел во что бы то ни стало выпроводить меня в Москву, то я, может быть, еще до сих пор сидел в Белграде. Общие несчастья и трудности жизни сблизили там многих русских церковных людей в одну тесную и дружную семью.

---

87. СА. Д. 47/44.

88. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 149. Л. 13–14.

89. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии... С. 164–165.

Мы общими усилиями старались, по мере сил наших, разума и возможностей, не уклониться от церковной правды и от заветов нашего великого Аввы — владыки Антония. Сколько раз мы утешали друг друга в тяжелые моменты сомнений и недоумений, сколько раз собирались мы на молитву в крипту владыки Антония, и припадали к гробнице столпа церковной истины, чтобы он своими молитвами, укрепил бы и наставил нас на путь правый... До сих пор никому из нас, если сами этого не желали, не приходилось кривить совестью. Отцы наши Иоанн и Владислав добровольно расписывались и старались за всех, а мы жили в стороне от церковно-политической жизни: молились, трудились и старались быть верными сынами и Церкви русской и России. Так, например, о. Никандр до сих пор служит панихиды по государе, поминая его полным титулом пред всеми молящимися. Тоже делали и мы с о. Виталием в Иверской церкви. В Троицкой, к сожалению, в присутствии о. Иоанна этого не сделаешь. Кроме этого допекал он нас тем, что заставлял поминать власти на ектениях. Но и этого можно было не делать...

Я имел четыре группы молодежи разного возраста, с которыми занимался в течение недели. Эти группы можно было сделать весьма многочисленными, если бы я не боялся, что слишком большие собрания могут привлечь внимание местных властей, тем более что мы на уроках Закона Божия касались, естественно, вопросов и политических. Ни разу не скривил я совестью перед юными друзьями моими, ни разу не сказал им того, во что сам не верю. Знаю, что многим из них помог разобраться в философских и политических вопросах. Мысль о том, что юные души останутся без меня, как овцы, не имеющие пастыря долго не давала мне решимости на отъезд. Это не потому, что я высоко думаю о своих пастырских способностях, а просто потому, что так сложилась наша церковная жизнь в Белграде: к отцам Иоанну и Владиславу молодежь не идет, т.к. боится им открывать свои души. Отец Виталий целыми днями занят требами, т.к. прихожане главным образом обращаются к нему, я же был без определенных занятий, имел больше всех времени, которое и мог уделять молодежи. Знаю, что без меня многим из них некуда будет пойти, чтобы поделиться своими впечатлениями. Хорошо ли я сделал, бросив их? Это я до сих пор еще не решил. Будучи там, и, занимаясь с молодежью, я, в конце концов, боролся и с коммунизмом и материализмом, и в этом находил смысл своего тамошнего существования... А разве одна молодежь ищет там утешения и смысла жизни в церкви? Сколько там измученных, пострадавших людей, ожидающих ареста, переживающих арест своих близких, лишенных

пенсий, подданства, просто уставших от жизни и лжи их окружающей, все они ждут слова утешения, прежде всего от пастыря церкви...»⁹⁰

В Швейцарии архимандрит Антоний 12 октября, по решению Архиерейского Синода, он был принят в сущем сане в юрисдикцию РПЦЗ, и лишь 17 декабря 1949 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР о разрешении его въезда в Советский Союз. Однако было уже поздно, о. Антоний так и остался в юрисдикцию РПЦЗ, в 1957 г. он был хиротонисан во епископа, а в 1965 г. возведен в сан архиепископа Женевского и Западно-Европейского⁹¹.

Ситуацию с затягиванием разрешения на въезд в СССР отразилась и на судьбе двух русских монашеских общин, также желавших переехать из Югославии в Советский Союз. Сестры Хоповской (бывшей Леснинской) общины в конце 1944 г. переехали из общежития престарелых на белградской окраине Сеньяк в покинутое русскими учащимися студенческое общежитие, где разместились в двух больших комнатах. В это время в обитель пришли: сестра управляющего делами Архиерейского Синода РПЦЗ Г.П. Граббе монахиня Магдалина (графиня Нина Павловна Граббе) и одна из первых русских эмигрантских иконописцев, писавших в древнерусском стиле, монахиня Флавиана (Елена Воробьева). Чтобы добыть пропитание, насельницы давали уроки иностранных языков и Закона Божия, работали сестрами милосердия и прислужгой, пряли шерсть и вязали, выпекали просфоры для всех русских церквей Белграда. Весь заработок отдавался игуменье Нине (в миру Наталье Григорьевне Косаковской) на содержание обители⁹².

В конце апреля 1945 г. хоповские сестры перешли в юрисдикцию Московского Патриархата, были причислены к его белградскому подворью, получили советское гражданство и с этого времени ждали получения визу на въезд в СССР. Патриарх Алексей предполагал поселить их в пустовавшем здании Московского Ново-Девичьего монастыря, о чем 5 и 6 мая 1946 г. написал председателю Совета по делам Русской православной Церкви Г.Г. Карпову. В письме от 5 мая Первосвятитель так описал существование обители: «Жизнь сестер протекает в трудных условиях. Монастырь живет исключительно на заработки сестер, которые занимаются разными видами физического и интеллектуального труда, например: работают на огородах, помогают домохозяйкам, присматривают за детьми,

---

90. Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 2, Folder 15.

91. См.: Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009.

92. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. М., 2005. С. 43–45.

ухаживают за больными, прядут, вяжут, вышивают шелками и золотом, пекут просфоры для церквей Белграда, пишут иконы, дают уроки русского, английского и французского языков и т.д. Местное население очень ценит труд сестер как в области педагогической, так и в области рукоделий и хозяйства, признавая их личные качества и благотворное влияние на окружающую среду... Святыни, уставное богослужение и монастырское пение привлекают богомольцев, которых особенно много в праздники, как русских, так и сербов»⁹³. В монастырской домово́й церкви находились вывезенные из России и тщательно берегаемые святыни: чудотворная Леснинская икона Божией Матери и частицы мощей св. Афанасия, игумена Брестского, св. Петра, митрополита Московского, преп. Параскевы и св. Стефана Савваита. В состав общины в это время входили 42 сестры: игуменья, 29 мантийных монахинь, семь рясофорных монахинь и пять послушниц.

Однако Совет по делам Русской православной церкви отложил решение вопроса. 31 мая Г.Г. Карпов поставил резолюцию на письме Патриарха: «Пока решать этот вопрос и ставить в Совете министров не будем. Нужно тщательно вопрос изучить, запросить МИД, и просить их выяснить у посольства необходимые данные об этом монастыре, вернее о монашествующих, и мнение посольства»⁹⁴. В результате дело затянулось на несколько лет.

Во второй половине 1940-х гг. обитель превратилась в прибежище для всех гонимых югославскими властями, как русских, так и сербов. По просьбе игуменьи Нины, монахиня Магдалина (Граббе), дававшая уроки сыну французского консула, обращалась к консулу за помощью, когда нужно было срочно спасти кого-то от ареста или насильственной репатриации, предоставив ему визу для въезда во Францию. В связи с этим обитель находилась под надзором властей, угрожавших сестрам репрессиями⁹⁵.

7 мая 1949 г. председатель Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпов в письме в Совет Министров СССР уже сам предлагал в ближайшее время осуществить переезд монахинь в Советский Союз: «...игуменья б. Леснинского монастыря Нина (Косаковская) и еще 32 монахини, проживающие в г. Белграде по улице воеводы Миленко № 39, принявшие советское гражданство, подвергающиеся периодическим притеснениям со стороны югославских властей, получают настойчивые пред-

---

93. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 129. Л. 264–265.

94. Там же. Л. 267.

95. *Евфросиния (Молчанова), мон., Татиана (Спектор), мон.* Леснинский монастырь // Новый журнал. Нью-Йорк. 2008. Кн. 253. С. 389.

ложения от эмигрантского русского духовенства из США о переезде туда на постоянное жительство. Им обещают беспрепятственное получение виз, оплату проезда, содержание и прочие льготы. На все эти предложения игуменья ответила решительным отказом, заявляя о своем твердом намерении вернуться со своими монахинями в Советский Союз. В свое время этим монахиням Московской Патриархией было обещано всестороннее содействие, и в настоящее время наступило время реализации обещаний. Этот вопрос Совет проверяет через МИД»⁹⁶. Однако решение вопроса опять затянулось.

В ноябре 1949 г. о. Иоанн Сокаль с горечью писал владыке Сергию (Ларину): «Хоповско-Леснинский монастырь каждый месяц хотят выслать из Белграда, но посольство, слава Богу, отстаивает, ссылаясь на то, что они ждут переезда на Родину. Американцы, узнавши об их тяжелом положении, уже дважды предлагали перевезти их на казенный счет в Америку, обещая им все выгоды и удобства. Об этом пишут им епископы Никон и Серафим, но матушка-игуменья Нина ответила, что она принадлежит Московской юрисдикции и поэтому не может быть никакого разговора о переезде к отколовшимся от Матери-Церкви... В случае ее смерти сестры вряд ли выдержат долго такую тяжесть жизни. Уже 7 лет они живут как бы на вокзале, не уверенные, что с ними будет завтра... Думаю, что больше года они такого испытания больше не выдержат»⁹⁷.

Отец Иоанн оказался прав. Положение монахинь было чрезвычайно тяжелым, и долго выдержать подобную жизнь оказалось невозможно. Протоиерей Виктор Потапов так описывал ее по воспоминаниям сестер: «Материальное положение монастыря было в это время очень трудное. Но гораздо тяжелее была моральная сторона жизни: постоянно чувствовалась слезка. Полиция вызывала сестер на допросы, желая узнать, что они делают и чем монастырь живет, так как право на работу имели только члены коммунистических профсоюзов, а таковыми монахини не были и быть не могли. В это тяжелое время сестрам было оказано много внимания и милосердия со стороны верующих. Служащие правительственных учреждений, сами не коммунисты по своим убеждениям, тайно помогали монастырю в снабжении необходимыми продуктами, углем и дровами»⁹⁸.

---

96. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 452. Л. 133–134.

97. Там же. Д. 580. Л. 7; *Косик В.И.* Забытая страница... С. 102.

98. *Потапов В., прот.* 100-летие Леснинской женской обители Пресвятыя Богородицы // Русское Возрождение. 1985. № 32. С. 169–170.

В сентябре 1949 г. вместо умершей игумении Нины сестер возглавила монахиня Феодора (в миру княгиня Нина Николаевна Львова), и настроения в общине изменились. В упоминавшемся письме о. Георгию Граббе архимандрита Антония (Бартошевича) от 19 октября 1949 г., в частности, говорилось: «...матушка Магдалина (сестра Г. Граббе)... просила написать Вам, что не решается, прежде всего, оставить монастырь, в который привел ее Господь. Пока была жива игумения Нина, м. Магдалина соблазнялась мыслью уехать к Вам, т.к. не была уверена в том, что м. Нина найдет правый путь. Покойница была приятельницей отца Иоанна Соколя и часто увлекалась, паче меры, так же как и он. К мать Феодоре м. Магдалина питает больше доверия и думает, что под ее руководством ей не придется идти на компромиссы с совестью и своим убеждениями. Пока им не предъявляли никаких требований в смысле политическом... Это тоже просит передать Вам м. Магдалина, чтобы Вы не волновались за нее в этом отношении. До сих пор, милостью Божией, они в монастыре не чувствовали никаких притеснений на свою совесть... сколько наболевших душою приходят в небольшую и скромную церковку, устроенную в комнате, где тихо служит отец Никандр, и тихо и бесстрастно поют бывшие хоповские монахини. Чудотворный Леснинский образ Богоматери привлекает туда много скорбящих и обремененных. В этой атмосфере веры и надежды на заступницу рода христианского находит утешение и м. Магдалина... жизнь м. Магдалины осмыслена личным монашеским подвигом и послушанием. Она, конечно, глубоко верит, что Матерь Божия Своей чудотворной иконой сохранит их монастырь от всякого зла. Дай Бог только, чтоб их не повезли в Россию, где может быть потребуют от них компромиссов с совестью, чего боится, конечно, и м. Магдалина...»⁹⁹

31 июля 1950 г., в условиях открытых гонений со стороны югославских властей, не дождавшись получения советских виз, 32 монахини вместе с двумя своими духовниками (игуменом Тимолоаем и иеромонахом Никандром) и чудотворной Леснинской иконой Божией Матери уехали во Францию, где перешли в юрисдикцию РПЦЗ. С декабря 1950 г. они проживали в доме, арендованном в местечке Фуркё под Парижем, а с октября 1967 г. — в поместье Провемон в Нормандии¹⁰⁰.

Гораздо хуже сложилась судьба сестер возглавляемой игуменией Диодорой (в миру Лидией Николаевной Дороховой) Благовещенской

---

99. Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 2, Folder 15.

100. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь... С. 46–47.

монашеской общины, с 1945 г. находившейся в монастыре Благовещения Пресвятой Богородицы Белградской митрополии. Почти все они также (в 1946 г.) приняли советское гражданство и несколько лет ждали возвращения на Родину. Определенную надежду монахиням внушали слова секретаря Московской Патриархии Л.Н. Парийского в ответ на обращение 1946 г. с просьбой о ходатайстве перед Патриархом Алексием об их приеме и покровительстве: «Будьте спокойны, вас, безусловно, примут, считайте, что вы уже имеете монастырь, но когда это будет, сказать сейчас не могу»¹⁰¹.

Однако в феврале 1950 г. Благовещенская община в составе игумении Диодоры, духовника 80-летнего иеромонаха Иракия (в миру Василия Августиновича Кулака) и 16 русских сестер была насильно и фактически без всяких вещей изгнана в Албанию. Югославские власти предлагали монахиням отказаться от принадлежности к Московскому Патриархату и советского гражданства в качестве условия оставления в стране, но сестры предпочли изгнание. Сербские монахини Благовещенской общины были насильно отделены от русских и оставлены в Югославии¹⁰².

В своем письме Патриарху Алексию игумения Диодора так описала это выселение: «Неожиданно для нас в феврале 1950 г. получили от гражданских властей требование в течение пяти дней выехать из Югославии. Я обратилась в патриархию с просьбой помочь нам. Святейший патриарх, Синод и наш епархиальный епископ употребили все старания, чтобы нас оставить в Югославии или дали отсрочку, чтобы мы могли бы собраться к отъезду, но из Министерства внутренних дел ответили, что уже поздно: надо было год тому назад согласиться принять подданство. Пока я в Белграде хлопотала об отсрочке, милиция выгнала сестер из монастыря, и, когда я вернулась из Белграда, я встретила половину сестер на ближайшей к монастырю станции; из буквально в полчаса без вещей, не давши даже взять хлеба на дорогу, выгнали... Все ценное: вся библиотека свято-отеческая, иконы, церковное облачение, различные инструменты, машины, принадлежащие нашему братству, которые были привезены из Бессарабии, а также и сестерские одежды — все осталось в Югославии. Мы были переброшены этапным порядком в Албанию»¹⁰³.

---

101. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 719. Т. 1. Л. 82.

102. *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 324; Некролог схиигумении Марии (Дохторовой) // Журнал Московской Патриархии. 1978. № 12. С. 51.

103. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 730. Л. 113.

В 1949 г. после фактического разрыва советско-югославских отношений (так называемого конфликта Сталин – Тито) в стране начались ожесточенные гонения на всех русских, особенно принявших советское гражданство, которых считали «Троянским конем» СССР. Посетивший 29 апреля первого секретаря советского посольства в Югославии В.С. Семенова профессор богословского факультета Белградского университета Алексеев «указал, что в настоящее время органы УДБ (госбезопасности) повсеместно вызывают к себе советских граждан на допросы и предлагают перейти в югославское гражданство. Менее устойчивые лица соглашаются с предложением о принятии югославского гражданства, но большинство советских граждан еще держится, несмотря на принятие к ним со стороны югославских органов репрессивных мер в виде увольнения с работы, ареста и предписаний о выезде за пределы Югославии». Алексеев просил оказать со стороны посольства содействия в его выезде вместе с семьей «в какую-либо из стран народной демократии»¹⁰⁴.

К середине 1949 г. по сведениям югославского МВД из 13057 проживавших к тому времени в стране русских эмигрантов 5874 имели советское гражданство, 6887 — югославское, и 296 были без подданства¹⁰⁵. Одних русских стали считать «белогвардейцами», других — «сталинистами». Со второй половины декабря 1949 г. югославские власти перешли к массовому принудительному выселению советских граждан из страны¹⁰⁶. Ходили слухи, что правительство Тито готовит специальные концлагеря для русских или планирует всех их выслать в Восточную Пруссию¹⁰⁷.

Среди многих других, в 1949 г. по обвинению в так называемом «недоносительстве» был арестован известный историк славянского и византийского права, профессор Белградского университета А.А. Соловьев. Ученый с мировым именем был заключен в белградскую тюрьму, а в 1951 г., на седьмом десятке лет, оказался вынужден отправиться в новую эмиграцию — в Швейцарию¹⁰⁸.

Репрессии русских эмигрантов в значительной степени коснулись и духовенства. Так, например, настоятель храма Пресв. Троицы в Белграде протоиерей Владислав Неклюдов в июне 1949 г. писал Л.Н. Парийскому:

104. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. Документы. М., 2002. С. 118–120.

105. *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная... С. 182.

106. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. С. 285–286.

107. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 580. Л. 49.

108. *Танин С.Ю.* Русский Белград... С. 190.

«Вообще же здесь для русских вообще, а для сов. граждан в особенности становится все тяжелее... В связи с резолюцией Коминформбюро местные власти стали подозрительно смотреть на всех сов. граждан, подозревая их в неблагонадежности и даже в шпионстве. Многих лишили службы, многих — пенсии, и очень много арестованных совершенно невинных людей... 11 мая в Сараево арестован русский протоиерей, настоятель находящейся в ведении о. Иоанна Сокаля, как благочинного, русской церкви. Ему, кажется, пришла виза на въезд в СССР, и он, получив из посольства в Белграде вызов, пошел доставать разрешение. Теперь мы, как “иностранцы”, не можем передвигаться без специальных в каждом случае разрешений. Когда он, заполняя бланк, написал, что едет по вызову посольства СССР, это вызвало неудовольствие. Вечером к нему пришли, произвели тщательный обыск, взяли пишущую машинку, радиоприемник, фотоаппарат и... всю наличность церковной кассы, а также, конечно, и его самого и посадили в узилище, где он безвестно пребывает и по сей день. Имя его — о. Алексей Крыжко... Он писал мне, что больше всего боится, что в последнюю минуту, когда придет так жадно ожидаемая им виза, его засадят, и поездка сорвется. По-видимому, так и случилось»¹⁰⁹.

Вместе с о. Алексием Федоровичем Крыжко были арестованы девять его прихожан: регент церковного хора К.П. Комад, прислужник в храме П. Соколов, председатель русской колонии Сараево в годы войны и отец свечницы В. Огнев, инженер А. Поляков, врач В. Кострюков, служащий Советского информационного бюро И. Жеребков, студенты-юристы В. Геслер и Г. Ольшевский, а также серб А. Боремович¹¹⁰.

В августе 1949 г. по обвинению в намерении просить посольство СССР ходатайствовать перед югославскими властями за невинно арестованных в Сараево (о. А. Крыжко и его прихожан) был схвачен протоиерей Владислав Григорьевич Неклюдов. По свидетельству о. Иоанна Сокаля, высказанному в письме митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу), «эта просьба квалифицируется как шпионаж, и за это подвергаются оба большой опасности»¹¹¹.

В начале декабря 1949 г. в Сараево состоялся громкий показательный судебный процесс над «бывшими белогвардейцами – советскими гражданами, завербованными советской разведкой». На нем 11 человек, в том числе

---

109. Там же; *Косик В.И.* Забытая страница... С. 103–104.

110. *Полчанинов Р.В.* Русский православный приход в Сараево // *Православная Русь*. 2002. № 20. С. 8.

111. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 991. Л. 4; *Косик В.И.* Забытая страница... С. 104.

два священника, без всяких оснований обвинялись как агенты немецкого гестапо, контрреволюционеры, враги социализма и в тоже время члены советской «шпионско-диверсионной группы». В югославских газетах не было сказано, что о. Владислав является священнослужителем, а о. Алексия назвали «бывшим священником в штабе царской и Деникинской белой армии»¹¹².

В результате югославский народный суд приговорил о. Алексия по обвинению в шпионской деятельности к 11, 5 годам заключения, а его прихожан – к срокам от 3 до 20 лет. Сидевший вместе с пастырем в тюрьме священник Владимир Родзянко 1 января 1952 г. написал Московскому Патриарху, что о. А. Крыжко просил передать Первосвятителю и в его лице всей Русской Церкви: «Скажите там, что все клевета, и никогда я никаким шпионом не был, а только лишь хотел быть верным своей церкви, пастве и родине»¹¹³. Русская церковь в Сараево была закрыта вскоре после судебного процесса, а ее имущество передано сербским церковным властям, оказался уничтожен и русский участок на военном кладбище города¹¹⁴.

Только после восстановления дипломатических отношений СССР и Югославии – в январе 1956 г. прошедший через пять тюрем и два лагеря, в том числе каторжные работы в каменоломнях на Голом острове в Адриатическом море, протоиерей А. Крыжко, после официального запроса советского посольства, инициированного его сыном, был освобожден. 12 января он вместе с группой других бывших заключенных выехал через Венгрию в Советский Союз. Отец Алексей поселился в Ленинграде, с 9 июля 1956 г. он служил приписным священником в кладбищенской Серафимовской церкви, с 3 октября 1958 г. — в Князь-Владимирском соборе, в 1962 г. был награжден Патриаршей грамотой, 1 января 1964 г. ушел на покой и скончался в северной столице 26 июля 1974 г.¹¹⁵

Протоиерей В. Неклюдов не дождался обвинительного приговора и по утверждению югославских властей в одиночной тюремной камере «лишил себя жизни»¹¹⁶. Об этой смерти о. И. Сокаль так сообщил 9 декабря 1949 г. в письме митрополиту Николаю (Ярушевичу): «В ночь с 29 на 30 ноября погиб о. Владислав. Это случилось накануне суда над ним в Сараево, куда его и переслали из белградской тюрьмы... погиб исклю-

112. Политика. Београд. № 2–5, 10.12.1949.

113. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 991. Л. 4; Косик В.И. Забытая страница... С. 104.

114. *Полчанинов Р.В.* Указ. соч. С. 7–8.

115. Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 144. Л. 2–3; ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 4. Д. 16. Л. 143.

116. *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. С. 181–182.

чительно благодаря своей честности и доверчивости. Понятно, что такого человека они и не допустили до суда. Он был храбрый, мужественный и бесстрашный; беззаветно любил Родину и преданным ей остался до конца. Его совесть была чиста, и потому он не боялся смерти»¹¹⁷.

Немного позднее — 28 января 1950 г. о. Иоанн в беседе с работниками Совета по делам Русской православной церкви сообщил новые подробности этой трагической истории: «Протоиерея Владислава Неклюдова повесили в тюрьме. Перед смертью его спровоцировали. По словам адвоката, выезжавшего на место казни Владислава Неклюдова, его накануне суда привезли в Белградскую тюрьму, поместили в отдельную, хорошо оборудованную камеру и заявили, что он будет освобожден. Под этим предлогом у него взяли заявление, что он ничего не имеет против органов УДБ, предложили написать письмо жене до выполнения формальностей с освобождением, а потом взяли и повесили»¹¹⁸.

Высокого мнения об о. Владиславе был и священник Владимир Родзянко, сам приговоренный в 1949 г. к 8 годам исправительных работ за «превышение дозволенной религиозной пропаганды» (ему также «припомнили» и отказ вступать в прокоммунистический сербский Союз священников, против которого о. Владимир повел борьбу)¹¹⁹. После двух лет заключения в тюрьме и лагере, где он попадал в ледяной карцер, о. Владимир в 1951 г., благодаря вмешательству архиепископа Кентерберийского, был освобожден и вместе с семьей выехал из Югославии во Францию, а затем Folder — Великобританию (позднее после принятия монашеского пострига с именем Василий он служил епископом в Американской Православной Церкви)¹²⁰.

1 января 1952 г. о. Владимир Родзянко так писал о гибели о. В. Неклюдова Патриарху Алексию: «Известны мне обстоятельства последних минут протоиерея о. Владислава Неклюдова. Он был поставлен в такое положение, что самое его появление на суде должно было бросить тень на Мать-Церковь русскую и дать повод для вражды к ней церкви сербской. Он предпочел “положить жизнь за други своя” и без колебаний это сделал. “Самоубийством” было названо то, что церковь венчает венцом мученическим, потому что это не был акт отчаяния или безверия, но наоборот — сознательная

---

117. Косик В.И. Забытая страница... С. 104; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 580. Л. 75.

118. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 734. Л. 4–5.

119. Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 6, Folder 2.

120. «Жизнь во Христе» // Русский Дом. 2009. № 9. С. 34–36.

жертва за церковь, веру и истину. Самых последних минут о. Владислава никто из его тюремных товарищей лично вообще не видел»¹²¹.

Эти преступления югославских властей возмутили Сербского Патриарха Гавриила. В состоявшейся 28 декабря 1949 г. беседе с первым секретарем советского посольства в Югославии А.М. Зубовым Первосвященитель «по своей инициативе коснулся сараевского антисоветского процесса, назвав его “кошунством над православной церковью”. В газетах писали, сказал он, что священник Неклюдов повесился. Этого не только нельзя допустить, но даже об этом грешно подумать. Неклюдов был очень стойкий и честный человек. Крыжко тоже хороший человек. Он любил народ, и народ его тоже любил. Поэтому его и осудили на долгие годы»¹²².

В условиях жестоких репрессий русские священнослужители продолжали покидать страну. Вместе со многими другими эмигрантами в 1949 г. был изгнан из Югославии и настоятель русского храма св. Архангела Михаила в г. Великом Бечкереке священник Александр Терентьевич Мирошниченко. В дальнейшем службы для русской общины здесь совершали сербские священники Милош Попович и Нинчич (в 1973 г. храма св. Архангела Михаила распоряжением Сербской Патриархии был передан городскому женскому монастырю св. Мелании под предлогом, что русских здесь почти не осталось)¹²³. В этом же году уехали в США игумен Лука (Родионов) и бывший наместник мужского иноческого братства Святого Креста в Земуне игумен Феофан (Шишманов). На свободную территорию г. Триеста (вскоре отшедшего к Италии) в конце 1949 — начале 1950 гг. выехали протоиерей Василий Колюбаев, бывший преподаватель Духовной семинарии о. Пантелеимон Капланов и священник Алексей Шевченко¹²⁴. К этому времени оказалось фактически разгромлено и прекратило свое существование русское благочиние в Бачской епархии.

В марте 1950 г. был арестован за отказ от «пропаганды против СССР» и в мае того же года выслан в Албанию священник Григорий Александрович Крыжановский, в марте 1950 г. был выслан в Албанию и принявший советской гражданство в 1946 г. священник Димитрий Северьянович Томачинский. 19 марта 1950 г. югославские власти выслали в Венгрию священника Михаила Дмитриевича Толмачева. В начале 1950-х гг. уехал из Югославии служивший в белградской Свято-Троицкой церкви протоиерей Александр

121. *Косик В.И.* Забытая страница... С. 104; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 991. Л. 4.

122. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. С. 237–238.

123. *Павлов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкереке... С. 10.

124. СА. Д. 36/43.

Федорович Качинский, в марте 1950 г. был выслан в Болгарию принявший в 1946 г. гражданство СССР преподаватель Призренской Духовной семинарии игумен Иоанн (Кухтин), будущий Предстоятель Чехословацкой Православной Церкви в сане митрополита, в том же году уехал в Венесуэлу протоиерей Флор Жолткевич и т.д.

В конце концов, после долгих мучений смог выехать в Советский Союз протоиерей Иоанн Сокаль. В упоминавшемся письме митрополиту Николаю (Ярушевичу) от 9 декабря 1949 г. он в отчаянии взывал к владыке о помощи: «После Владислава хотят погубить и меня; на днях вызывали дочь и сообщили, что нашу семью считают врагами югославского народа; это за все то доброе, которое мы оказали им, посвятивши лучшие годы нашей жизни, причем еще добавили, что нам здесь места нет. А когда мы сказали, что ждем визы, то на это представитель Мин. Внутр. Дел — подполковник заявил: “её вы подождете в другом месте”. Положение очень тревожное, и посему сердечно прошу принять все возможные меры к ускорению визы»¹²⁵.

В результате виза все же была получена, и 25 января 1950 г. о. Иоанн вместе с семьей (женой Марией Софроновной и двумя детьми – дочерью Ниной и сыном Анатолием) приехал в СССР. Уже в феврале 1950 г. его назначили ректором Саратовской духовной семинарии, 9 февраля 1951 г. удостоили степени магистра богословия. В 1953–1956 о. Иоанн служил ректором Минской духовной семинарии, в 1956–1957 гг. – ректором Одесской духовной семинарии, а 10 мая 1959 г., после принятия монашеского пострига с именем Иннокений, был хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского¹²⁶.

В состоявшейся вскоре после возвращения — 28 января 1950 г. беседе о. И. Сокаля в Совете по делам Русской православной церкви протоиерей так описал трагическое положение русских общин в Югославии (в изложении работника Совета В.С. Карповича): «В отношении Русской церкви титовцы добиваются ликвидации патриарших приходов в Югославии, как очагов русского влияния... Духовенство Московской Патриархии арестовывается и уничтожается. Осужден на 11 лет священник Алексей Крыжко, на 8 лет заключения священник Родзянко Владимир. Протоиерея Владислава Неклюдова повесили в тюрьме... После смерти Владислава осталась жена с ребенком, которым Сокаль помог материально... один пьяница и бродяга из числа русских попов был вынужден явившимися к нему агентами Тито

---

125. Косик В.И. Забытая страница... С. 104–105; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 580. Л. 76.

126. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 149. Л. 1–10.

к подаче заявления на Сокаль. Об этом пьяница-поп, раскаиваясь в своем поступке, сам рассказал протоиерею Сокаль. Дочь Сокаль вызывал представитель УДБ и заявил прямо, что “ваша семья является неприятелями нашего посольства”... Ей грозили, что скоро наша семья очутится в тюрьме... В Югославии имеется 6000 советских граждан. Каждый из них ожидает ежеминутно высылки за границу, как бы давно он ни жил в Югославии. Людей хватают и везут к границе, не давая взять с собой необходимые вещи. Титовцы к весне собираются совсем разделаться с советскими гражданами... Протоиерей Сокаль говорит, что он оставил (вместо себя) о. Виталия – советского гражданина... в помощь ему был вызван Александр Тугаринов, которого Сокаль характеризует, как умного, высоко богословски образованного человека. Однако на пути в Белград Тугаринов был арестован»¹²⁷.

После гибели о. Владислава Неклюдова и отъезда о. Иоанна Сокаля настоятелем Свято-Троицкой церкви, на основании телеграммы Московской Патриархии от 22 января 1950 г., длительное время служил протоиерей Виталий Васильевич Тарасьев (1901–1974, участник Белого движения, выпускник богословского факультета Белградского университета, рукоположенный во иерея 7 июня 1931 г. и возведенный в сан протоиерея 3 апреля 1940 г.), который фактически был и благочинным русских православных приходов в Югославии. Ему, одному из немногих оставшихся в стране священнослужителей Московского Патриархата, удалось избежать ареста. В декабре 1955 г. сотрудник УДБ, в ответ на упрек освобождаемого о. А. Крыжко о несправедливо жестоком наказании ему, ответил, «как бы в оправдание своего варварства»: «А вот, Виталий Тарасьев! Он ведет переписку со всем земным шаром, и мы его не трогаем, потому что мы ему верим, он лояльно относится к нам, он – наш человек»¹²⁸.

В помощь о. Виталию, еще по ходатайству протоиерея И. Сокаля, был назначен о. Александр из г. Ниша, но как только он приехал в Белград, югославские власти выслали его в Болгарию. К осени 1950 г. вместе с о. В. Тарасьевым в Свято-Троицкой церкви еще служили иеромонах Владимир и о. Алексей Погодин, но затем и им пришлось покинуть приход¹²⁹. В русском благочинии к этому времени осталось 8 общин, при этом четыре имели свои церкви: в Белграде, Белой Церкви, Земуне и Цриквенице, а еще

---

127. Там же. Оп. 1. Д. 734. Л. 4–7.

128. ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 4. Д. 16. Л. 144.

129. СА. Д. 36/43.

четыре использовали помещения сербских храмов: в Панчево, Зреняине, Нови Саде и Сараево. Число прихожан сократилось до 6 тысяч¹³⁰.

Более трех лет протоиерей В. Тарасьев не имел связей с Московской Патриархией и только после начала нормализации отношений между Югославией и СССР, 8 августа 1953 г., обратился с письмом к Патриарху Алексию, в котором охарактеризовал положение русских общин за последние годы: «...все русские церкви в Югославии в материальном отношении вполне самостоятельны. Они не от кого не получают никаких субсидий или помощи и существуют исключительно на приходы от продажи свечей, тарелочных сборов, пожертвований и треб. Конечно, положение их довольно тяжелое, особенно в связи с значительным уменьшением числа русских в Югославии. Сербская православная церковь в лице своего епископата и священства в общем продолжает относиться довольно благожелательно к русской церкви в Югославии»¹³¹.

В этом письме о. Виталий, «для сношений с местными гражданскими и духовными властями и для защиты прав и имущества» русских общин, попросил выслать ему и руководству Сербской Церкви указ Московской Патриархии, подтверждающий: «1. что русская православная церковь в Белграде, а равно и другие оставшиеся русские церкви в Югославии находятся в юрисдикции Московской Патриархии и под ее защитой; 2. что я являюсь настоятелем русской православной церкви в Белграде с января 1950 г.; 3. что я являюсь благочинным русских церквей в Югославии». К середине сентября 1953 г. посольство СССР в Югославии, которое ранее рекомендовало воздержаться от связи с протоиереем В. Тарасьевым и от «оформления его благочинным» сняло свои возражения¹³², и Московская Патриархия издала соответствующий указ.

К 1955 г. в Югославии осталось менее 10 тысяч русских эмигрантов. Изменилась и международная ситуация, после смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. советско-югославские отношения постепенно нормализовались. В этих условиях была решена судьба русских приходов в стране. 1 декабря 1954 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) отправил Сербскому Патриарху Викентию письмо, в котором сообщалось: «На ноябрьском заседании нашего Священного Синода было принято решение поставить Благочиния русских православных храмов в Югославии вместе со священнослужителями под юрисдикцию Сербской Православной

---

130. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 734. Л. 7; Д. 1426. Л. 55.

131. Там же. Оп. 2. Д. 112. Л. 6–7.

132. Там же. Л. 5–8.

Церкви, за исключением храма Святой Троицы в Белграде. Мы надеемся, что сие решение вопроса Благочиний соответствует Вашим пожеланиям, а также пожеланиям Архиерейского Священного Синода Сербской Церкви». 18 мая 1955 г. Сербский Синод, заслушав доклад по этому вопросу епископа Браничевского Хризостома, с удовлетворением принял к сведению решение Синода Московского Патриархата¹³³.

Протоиерею Виталию Тарасьеву было поручено осуществить передачу русских храмов и приходов, и в 1955–1957 гг. почти все они вошли в состав Сербской Православной Церкви¹³⁴. Русский приход при церкви свт. Василия Великого в Нови Саде в 1955 г. вообще оказался упразднен, как и русский храм в Сараево. Несколько икон из сараевской церкви, в том числе сень с иконами свт. Николая Чудотворца и св. кн. Александра Невского, сделанная в память убиенных государей: императора Николая II и югославского короля Александра, были переданы в белградский Свято-Троицкий храм¹³⁵.

Приход этого храма, который остается подворьем Московского Патриархата до настоящего времени, оказался единственным исключением. В 1955 г. о. Виталий был награжден митрой и в дальнейшем неоднократно приезжал в СССР, в частности, в мае 1958 г. в Ленинград; он также активно переписывался с покинувшими Югославию русскими эмигрантами, сообщая им о состоянии могил их родных на Новом кладбище Белграда. После кончины о. Виталия, настоятелем храма с апреля 1974 г. до 1996 г. служил его сын — выпускник богословского факультета Белградского университета протоиерей Василий Витальевич Тарасьев (1932–1996, похороненный в церкви)¹³⁶.

В октябре 1957 г. в Белград впервые приехал Патриарх Московский и всея Руси Алексей I в сопровождении нескольких архиереев Русской Православной Церкви. Он совершил богослужения в Свято-Троицкой церкви и посетил Иверскую часовню на русском участке Нового кладбища, где совершил панихиду на могиле когда-то запрещенного владыкой Сергием (Страгородским) в священнослужении митрополита Антония (Храповиц-

133. Архив Светог Архијерејског Синода Српске Православне Цркве, 1955, Журнал 63, АСБр. 15.

134. *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная... С. 188.

135. Свято-Троицкий храм подворья Русской Православной Церкви в Белграде. Белград, 2007. С. 15.

136. ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 4. Д. 16. Л. 144–144об; Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. *В.В. Антонов, А.В. Кобак.* СПб., 2005. С. 201.

кого)¹³⁷. Этим фактически был совершен символический акт примирения с послереволюционной русской церковной эмиграцией в Югославии, которой к этому времени уже почти не осталось в стране.

В настоящее время Свято-Троицкая церковь и Иверская часовня продолжают оставаться в юрисдикции Московского Патриархата и играют заметную роль в укреплении российско-сербских дружественных связей. В 1995 г. на средства вооруженных сил России был отреставрирован памятник русским воинам, погибшим в Первую мировую войну, на Новом кладбище Белграда. В 1999 г. Свято-Троицкий храм пострадал при бомбардировках сербской столицы войсками НАТО, но к весне 2007 г. был восстановлен трудами настоятеля священника Виталия Тарасьева и 25 марта того же года освящен митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (ныне Патриархом Московским и всея Руси). К началу XXI в. русский участок Нового кладбища Белграда пришел в упадок, но в конце 2008 г. с участием российских и сербских добровольцев был создан специальный благотворительный фонд, и началось его восстановление. В 2011–2013 гг. также была проведена реставрация Иверской часовни.

Источники и литература

1. АГЕ (Архив Германской епархии Русской Православной Церкви за границей). Д. Летопись братства преп. Иова Почаевского в Германии 5/18 мая – 3/16 августа 1945.
2. АГЕ. Д. Книга постановлений Духовного Собора монастыря преп. Иова 1934–1948 гг.
3. АГЕ. Д. Книга постановлений Духовного Собора монастыря преп. Иова 1934–1948 гг.
4. АГЕ. Д. Летопись братства прп. Иова Почаевского в Германии 5/18 мая – 3/16 августа 1945.
5. АГЕ. Д. Протоколы совещания старшей братии монастыря преп. Иова 20 августа 1946 – 27 июля 1948 гг.
6. *Арсеньев А.Б.* Русский православный приход в Новом Саду 1922–1955 гг. // *Православная Русь.* 1998. № 17. С. 7–8.
7. *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.
8. Архив Санкт-Петербургской Духовной Академии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13.
9. Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 144.

---

137. *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 376.

10. Архив Светог Архијерејског Синода Српске Православне Цркве, 1955, Журнал 63, АСБр. 15.
11. Архив Свято-Троицкой семинарии РПЦЗ. Ф. В.А. Маевского. Кор. Афон.
12. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей 1946 г. / под ред. Г. М. Солдатова. Миннеаполис, 2003.
13. Богомудрый Архипастырь. К 20-летию представления Блаженнейшего Митрополита Анастасия // *Der Bote*. 1985. № 6. С. 12–13.
14. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998.
15. *Виктор Потапов, прот.* 100-летие Леснинской женской обители Пресвятыя Богородицы // Русское Возрождение. 1985. № 32. С. 169–170.
16. *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 320–329.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18, 129, 134, 149, 452, 580, 719, 730, 734, 991, 1429; Оп. 2. Д. 34а; Оп. 7. Д. 149.
18. *Евфросиния (Молчанова), мон., Татяна (Спектор), мон.* Леснинский монастырь // Новый журнал. Нью-Йорк. 2008. Кн. 253. С. 384–391.
19. *Григорий (Граббе), еп.* Завет Святого Патриарха. М., 1996.
20. Жизнь во Христе // Русский Дом. 2009. № 9. С. 34–36.
21. Журнал Московской Патриархии. М. 1946. № 5.
22. Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. Джорданвилль, 1995.
23. История Русской Церкви новейшего периода 1917–1990 гг. Учебное пособие / Сост. А.В. Псарев. Джорданвилль, 1999.
24. *Колмаков В.Б.* Верный сын православного Отечества // Воронежский епархиальный вестник. 2003. № 3. С. 95–98.
25. *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002.
26. *Косик В.И.* Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии) // Славяноведение. 1999. № 5. С. 101–106.
27. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 1999.
28. *Кострюков А.А.* Принятие в юрисдикцию Московского Патриархата священнослужителей Русской Зарубежной Церкви в Югославии в 1945 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 2 (27). С. 77–83.
29. *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011.
30. *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии // Русская жизнь. 1946. 16 апреля.
31. *Нафанаил (Львов), архиеп.* Кончина Священноархимандрита Иова, настоятеля обители преп. Иова в Мюнхене // Вестник Православного дела. 1959. № 2.

32. *Нафанаил (Львов), архиеп.* Отец архимандрит Корнилий. К пятилетию со дня кончины. Краткое жизнеописание. Мюнхен, 1971.
33. *Нафанаил (Львов), архиеп.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995.
34. Некролог схиигумении Марии (Дохторовой) // Журнал Московской Патриархии. 1978. № 12. С. 50–52.
35. *Павлов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде-Зренянине). Зренянин, 1994.
36. *Пантелеимон (Рогов), иером.* Обитель в Оберменцинге // Православная Русь. 1947. № 15. С. 4–9, № 16. С. 5–8.
37. *Полчанинов Р.В.* Русский православный приход в Сараево // Православная Русь. 2002. № 20. С. 7–9.
38. *Польский М., протопр.* Каноническое положение высшей церковной власти и СССР и за границей. Джорданвилль, 1948.
39. *Пузович В.* Отношение Сербской Православной Церкви каноническому и юридическому положению Русской Православной Церкви Заграницей (1920–1930) // Христианское чтение. 2012. № 3.
40. Политика. Београд. 1949. № 2–5.
41. Православная Русь. Джорданвилль. 1947. № 13, № 14, № 16, № 17, № 19.
42. Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. М., 2008.
43. Русская Православная Церковь Заграницей 1918–1968 / Ред. А.А. Соллогуб. Т. 2. Иерусалим, 1968.
44. Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005.
45. *Савинский С.* Пятнадцать дней в Югославии // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 6. С. 22–24.
46. Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия. Джорданвилль, 1948.
47. Сборник материалов по истории Свято-Троицкой Семинарии: К 55-летию Свято-Троицкой семинарии: 1948–2003 гг. Джорданвилль, 2003.
48. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. М., 2005.
49. Свято-Троицкий храм подворья Русской Православной Церкви в Белграде. Белград, 2007.
50. Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (СА). Д. 53/44. Личное дело епископа Григория (Граббе); Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946; Д. 36/43, 42/44, 45/44, 47/44.
51. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. Документы. М., 2002.
52. *Тальберг Н.Д.* Полвека служения заветам преп. Иова // Православная Русь. 1953. № 2.

53. Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009.
54. Холодюк А.Г. Бавария от святыни к святыне. Мюнхен, 2013.
55. ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 4. Д. 16.
56. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9324. Оп. 4. Д. 16.
57. Церковная жизнь. Джорданвилль. 1976. № 6.
58. Якунин В.Н. Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Самара, 2001.
59. Драшковић Ч. Четрдесет година Богословског факултета у Београду // Богословље, Београд, 1961. № 1–2. С. 10–23.
60. Православни Богословки факултет Српске Православне Цркве 1920–1980. Београд, 1980.
61. Радић Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Део 1, 1945–1953. Београд, 2002.
62. Seide G. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Diözese. München, 2001.
63. Stanford University, Special collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 1, Folder 1; Box 2, Folder 15; Box 6, Folder 2.